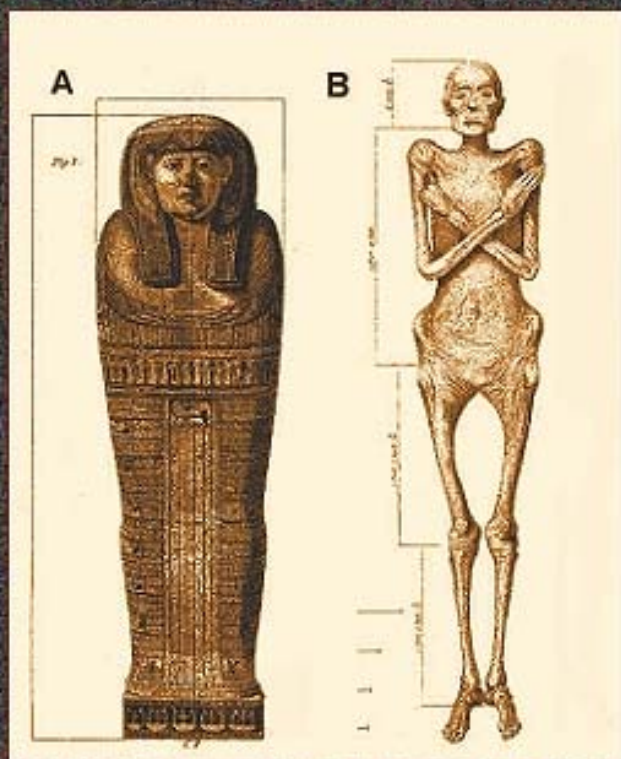


[Polaris]

Александр Иванов



СТЕРЕОСКОП

Сумеречный рассказ

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

XIV



Salamandra P.V.V.

**Александр
Иванов**

СТЕРЕОСКОП

Сумеречный рассказ

Иллюстрации
Е. Смирновой-Ивановой

Salamandra P.V.V.

Иванов А. П.

Стереоскоп: Сумеречный рассказ. Илл. Е. Смирновой-Ивановой. Коммент. С. Шаргородского. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2013. – 65 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. XIV).

Небольшую повесть А. П. Иванова «Стереоскоп» высоко оценивали А. Блок, В. Брюсов и М. Волошин; виднейший литературовед и ученый В. Н. Топоров считал ее одним из «лучших образцов петербургской гофманианы».

Застывший фотографический мир, населенный мертвенными двойниками, пустынный музей, путешествие в прошлое и встреча со страшным призраком – все это вместил в себя «Стереоскоп», который можно по праву назвать шедевром русской неоготики.

Книга снабжена подробными комментариями и иллюстрирована рисунками жены автора, художницы Е. Смирновой-Ивановой, сопровождавшими оригинальное издание.



СТЕРЕОСКОП

Сумеречный рассказ

Я разломал свой стереоскоп. В нем были не простые оптические стекла; в нем были как бы двери в некий мир, недоступный для нас; и вот я наглухо завалил таинственный вход. Он был чьим-то великим изобретением, но чьим, я не знаю и никогда не буду знать. Мне отворены были двери в те области, куда человеку недозволено проникать, куда он может лишь заглядывать; для меня исчезла непереступаемая грань между тем миром и нашим. Но в ту памятную ночь в порыве ужаса я разбил молотком линзы стереоскопа, чтобы положить вновь меж собой и его страшным миром прежнюю грань.

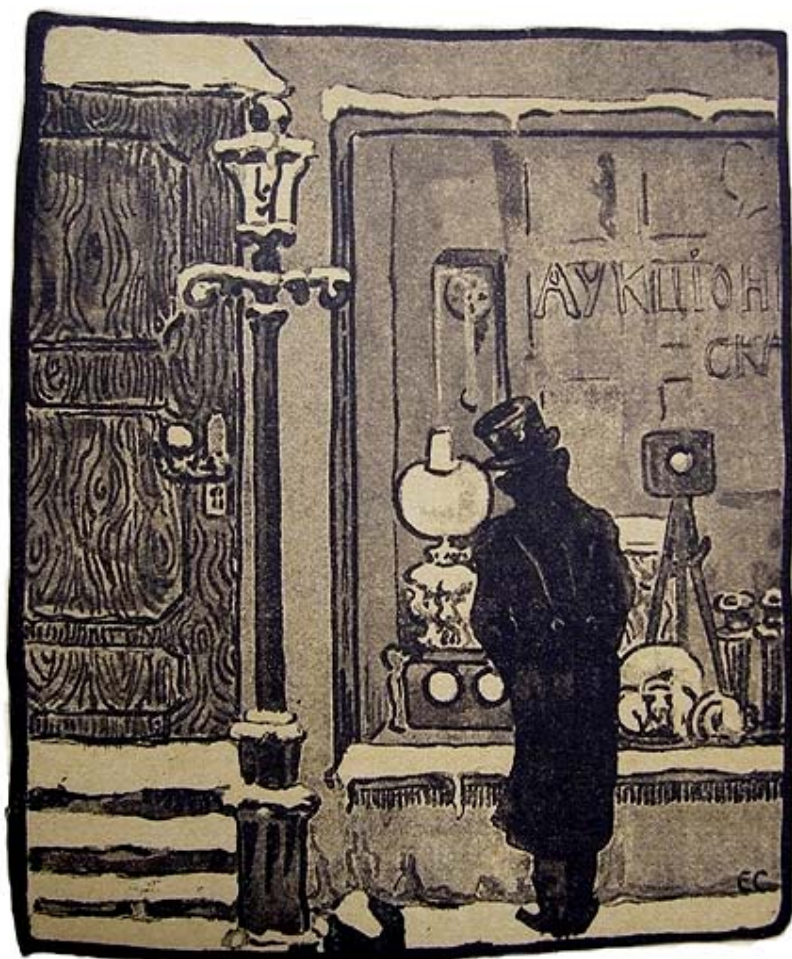
Заметил ли ты, что фотографические снимки обладают странными чарами? Они все, простые и двойные для стереоскопа (эти бывают на бумаге и прозрачные на стекле), загадочно влекут к себе; и тем сильнее, чем старше фотография. Глядит с них какой-то мир, особый, в себе замкнутый; он безмолвен, мертв, застыл и недвижим; в нем нет живых красок; царит лишь один бурый унылый цвет и его оттенки, словно все выцвело. Это — призрачный мир прошлого, царство теней минувшего. То, что ты видишь на бледном снимке, было когда-то одно только мгновение и в нашем живом мире. Потом наш мир изжил это мгновение безвозвратно. И вот остался этот двойник его, затаившийся в маленькой бумажной или стеклянной пластинке, застывший, умолкший и выцветший. На тебя смотрят со старых фотографий призрачные двойники того, что минуло навсегда, и от них веют таинственная грусть и тихая жуткость. И чем старше фотография, тем глубже ее чары.

Так, рассматривая старые снимки, заглядываем мы в их тайный мир. И мы только заглядываем туда, но никому невозможно туда проникнуть. Так я думал прежде, но теперь, когда я смотрю на обломки стереоскопа, лежащие здесь на столе, я знаю, что это возможно. И вместе с тем знаю я, что человек не должен проникать туда, хоть и может. Не следует живому тревожить тот мертвый мир застывшего своим вторжением в его недра: тогда в тех недрах нарушаются

таинственные равновесия, тревожится их священный и старый покой; и дерзкий пришелец платится тогда за вторжение тяжким ужасом. Лишь в порыве такого ужаса, лишь спасаясь от него, я и разбил в ту ночь свой стереоскоп.

Он попал мне в руки так неожиданно и служил так недолго. Раз я шел по Г-й улице. Был сильный мороз, утро встало все в белом; было седое небо и бледно-голубой воздух. Бесчисленные и белые зимние дымы подымались из труб и стремились стоять прямо, но режущий восточный ветер опрокидывал их, разрывал на куски, и весь город грозно курился. Дойдя до Аукционного Склада, я остановился перед его большими окнами, это делал я не раз и раньше. Здесь на низких и широких подоконниках было наставлено множество разных предметов вплотную и без всякого порядка. На иных виднелись билетки с какими-то цифрами, должно быть их ценой, на других их не было; но, видно, все это давно уже залежалось и было выставлено для продажи.

Мне нравилось смотреть на этот хлам, на эти груды утвари по большей части старомодной, давно вышедшей из употребления. Это были все старые вещи, попавшие теперь в Склад, но когда-то кому-то принадлежавшие; жизнь минувших людей, когда-то окружавшая их, словно впиталась в них и веяла на меня теперь тихим и грустным дуновением. В больших раковинах, которые можно видеть на письменных столах в качестве пресс-папье или украшений, вечно живет, затаившись в их глубине, минувший шум родного моря, где они лежали некогда. Также миновала давно и та жизнь, на дне которой долго пребывали когда-то эти старые вещи, и вот здесь на окнах Склада от них исходил тихий шелест и шорох прошедшего. Странной формы подсвечники, старинные лампы, чернильницы, поношенные бинокли и зрительные трубы; даже остов огромного морского рака в стеклянном футляре, причудливый, побелевший от времени и никому не нужный... Все это видел я уже не в первый раз в этих широких окнах; но теперь я заметил один предмет, не попадавшийся до этого на мои глаза: то был небольшой ящик из полированного дерева с двумя



возвышениями в виде четырехгранных призм. Я присмотрелся: он оказался стереоскопом; в призматических трубках большие выпуклые линзы странно отражали свет. Тут мне пришло в голову, что я давно уже хотел завести себе стереоскоп.

Рассматривать фотографии в стереоскопе, не простая ли это детская забава? Но вникни: в этом кроется странное волшебство, и душа радостно отдается его чарам. Вот – снимок; в нем мир застывших призраков; ты вставляешь его в стереоскоп, смотришь, и вот мир этот стал словно ближе к тебе. Плоский снимок – углубился, получил таинственную перспективу; ты уже не просто заглядываешь, ты словно проникаешь в глубины мира призраков; ты еще не проник, но уже есть намек на это проникновение, уже сделан первый шаг его. И чувствуешь, как выросли, как усилились загадочные жуть и грусть, веющие от снимка: они стали тебе словно ближе. Впечатление, когда я в первый раз заглянул в линзы стереоскопа, не изгладится во мне до смерти. Это было очень давно, в детстве, знакомый отца принес нам его. «Придержи рукою, – сказал он мне, – и смотри сюда», я заглянул, и мне открылась одна из областей того странного, не нашего мира. То было (как я узнал потом) изображение так называемых Ибсамбульских Колоссов. Гигантские фигуры Рамзеса, высеченные в скале, высились предо мною буроватыми призраками, углубленно и выпукло выделялись в воздухе; и воздух был такой же безжизненный и фотографический, как и они сами. Мертвенный двойник араба, когда-то жившего на земле, сидел на огромной руке Колосса. Перспектива, трехмерность этой недоступной области безотчетно и мгновенно поразила воображение: хотелось самому взобраться на исполина, ходить по его каменным и призрачным коленям, проникнуть в углубления, скрытые от глаз выступами гигантских рук, обойти сзади сидящего араба. И как все было там безмолвно, как чудовищно неподвижно! Фигура когда-то живого араба была так же навеки неизменна, как каменные лица Фараона с заостренной, выдавшейся вперед бородой. И как грустно все было там и как жутко! Потом пред нами прохо-

дили одна за другой все новые картины: статуя Мемнона, виды Рима, гробница Наполеона, площадь в Париже... И все шире открывался пред нами, детьми, волшебный мир стереоскопа. Он был нов для нас и вместе с тем словно знаком, потому что странно напоминал наши детские сны. И весь день мы не переставали думать о нем и вечером в своей детской вспоминали и делились впечатлениями, при этом мы говорили тихим голосом, ибо грусть и жуть тех таинственных стран уже неизгладимо залегли в наши души.

Я смотрел со старым волнением на небольшой прибор, затерявшийся в грудах аукционного хлама. Он был старинной конструкции, и мне казалось, был похож на тот первый, виденный в детстве. Я раздумывал, что можно будет купить, если недорого: ноги стыли на морозе и побуждали к решимости. Я отворил дверь и вошел; там было обширное помещение, сплошь заставленное вешалками с шубами и другим заложенным платьем; в углах была наставлена старая утварь, как на окнах; по стенам висели картины и портреты. За прилавком сидело два человека; один из них вопросительно поднялся мне навстречу. «У вас выставлен стереоскоп, — начал я, — ведь продается? Вот здесь». Человек подошел к окну и достал его с подоконника. Он глядел на билетик, наклепленный на стенке стереоскопа: «два рубля», сказал он и подал его мне.

Прибор показался мне неожиданно тяжелым; было впечатление, точно внутри его было что-то постороннее. Линзы тоже обращали внимание: большие, необыкновенно выпуклые, странно отражавшие свет. Я поворачивал его во все стороны; по всему видно было, что он уже старый и подержанный; полированное дерево было сильно поцарапано и кое-где глянец даже совсем сошел. Потом одна особенность бросилась в глаза, ящик был глухой: не было обычных щелей, куда вставляют снимки; задняя стенка была из матового стекла, но никаких признаков отверстий около не было, и дерево всюду было плотно пригнано. Я сказал об этом продавцу, он повертел стереоскоп в руках, даже постукал пальцем по стенкам, но объяснить ничего не мог.

Он поднес затем прибор к своим глазам и объявил, что внутри уже вставлен снимок. Я заглянул в свою очередь и увидел изображение одного из залов Эрмитажа; я сразу же узнал зал Зевса Олимпийца. Давно знакомое волшебство повеяло в душу; и оно было особенно сильно: удивительно была полна и углублена перспектива в этом старом стереоскопе; по-видимому, линзы были высоко совершенны и расположены мастерски. Я понял, что прозрачный снимок был наглухо вделан в ящик и плотно прилегал к задней стенке, хотя снаружи через матовое стекло его не было видно. Странен и нелеп показался мне этот каприз неизвестного оптика предназначить весь прибор только для одного снимка. Это останавливало меня; я снова высказал это продавцу, но он не был любезен и намекнул, что не очень озабочен, куплю ли я или не куплю. Я подумал, что заднюю стенку можно как-нибудь и переделать в случае нужды; вынул деньги, и покупка состоялась.

Я вернулся домой уже поздно вечером. На стенных часах у соседа (он нанимал комнату рядом, у моей квартирной хозяйки) пробило десять, когда я зажигал лампу на письменном столе. Некоторое время я сидел в кресле, отдыхая и рассеянно прислушиваясь к звукам, доносившимся невнятно с конца коридора из кухни, где старая Марья перед сном перемывала посуду. Потом встал и развернул свою покупку, еще холодную с мороза. И опять показалось мне, что стереоскоп смутно напоминает тот первый, виденный в далеком детстве. Я поднес его к лампе и заглянул через линзы в зал мертвого Эрмитажа. Снимок был сделан должно быть уже очень давно; это я заключил по некоторым признакам, которые трудно передать; но тут был виден особый способ фотографирования, какой теперь не употребляется. Потом мне почудилась в верхнем правом углу снимка будто какая-то дата. Стереоскоп был тяжел, руки, держа его, дрожали; тогда я положил один на другой три толстых словаря, поставил его сверху на них, направил против света лампы, а сам сел за стол, и, удобно облокотясь, приблизил глаза к линзам. Цифры даты стали виднее, но все же были неясны; я напряг зрение, и, мне показа-

лось, там стоит: «21 апреля 1877» или «1879». Неужели это отмечен день, когда был сделан этот поблекший снимок? Ведь и по виду своему он уже сделан давно; быть может тогда же, когда и сам стереоскоп. «Неужели так давно?» – спрашивал я радостно.

Потом совершился тот невероятный переход в тайные области стереоскопа. Я сидел, опираясь локтями на стол, и глядел в линзы. Пред глазами моими лежал хорошо знакомый зал Эрмитажа, но вместе с тем немного чужой и страшный, какими порой являются в снах знакомые нам покои и помещения; двойник этого зала несколько уменьшенный и фотографического цвета. Росло старое волнение, и старое волшебство все больше овладевало мною; хотелось пройтись по этому мертвому залу, бродить между статуи и саркофагов; хотелось проникнуть в соседний зал, что тихо глядел в высокую дверь. Вдруг почудилось, будто слабый запах керосина от моей лампы исчезает и сменяется каким-то другим, уже где-то мною слышанным; скоро я догадался, что он напоминает особый запах, присущий нижним залам Эрмитажа. Я все смотрел, не отрываясь. Призрачные очертания зала и всех предметов в нем стали расти; зал словно приближался ко мне, принимал меня в себя, обступал меня своими стенами сзади, справа, слева; мне казалось уже: я могу их увидеть, стоит мне повернуть голову. И вот этот зал минувшего Эрмитажа сравнялся в размерах с залом Эрмитажа настоящего. Внезапно я осознал, что не сижу уж, а стою на полу, локти не опираются более на стол, и я свободно опустил руки. Наконец исчезло всякое сомнение в свершившемся волшебстве, я стоял внутри призрачного зала, который доселе видал лишь чрез линзы издали. Исчезла моя комната, стол, лампа. Исчез и сам стереоскоп: я находился внутри его.

Была мертвая тишина; были слышны лишь взволнованные удары моего сердца, да тиканье часов в кармане жилета. Я сделал несколько шагов вперед, и странный звенящий звук родился у меня под ногами и умер, отозвавшись где-то в углу у потолка; этот звук был мне знаком: так звучат под шагами каменные плиты, которыми выло-

жен пол нижних залов Эрмитажа; только здесь он был тусклый, как сами стены и все в этом мире выцветших призраков. Я взглянул направо: из окон, помещающихся высоко у самого потолка, лился в зал мертвенный свет; виднелись чрез них двор, крыши и бесцветное фотографическое небо; в то мгновение, что застыло здесь, была ясная солнечная погода. Я взглянул налево; статуя Зевса знакомо высилась с орлом у ног. Я был недавно в зале Олимпийца, в настоящем зале, и вспомнил теперь внезапно, что вот за тем выступом стены должен стоять бюст во фригийской шапке. Я прошел немного вперед, будя тускло шепчущее эхо, и заглянул за выступ: бюст стоял там, стоял минувший его двойник. Я дотронулся рукой до него, он был холоден и тверд: призрак прошлого был телесен. В душе росла тихая жуть. С неизъяснимым чувством двигался я посреди урн, статуй и саркофагов; все знакомо и вместе чуждо.

Вдруг я вздрогнул, почувствовав, что я не один. Углом глаза я уловил темную человеческую фигуру, стоявшую позади меня, и это была не статуя. Я быстро обернулся: какой-то человек в темном сюртуке стоял неподвижно, устремив взор на стену и странно откинув руку, рядом с ним стоял какой-то высокий предмет, то был фотографический аппарат на треножнике. Я замер в немом ужасе. Прошло несколько секунд; он не шевельнулся, не качнулся, не сделал ни одного жеста; он стоял так же безмолвно и недвижно, все в такой же странной позе, с тем же выражением лица. Тогда-то я рассмотрел, что он был лишь призрак, поблекший и застывший, как и все вокруг него. Подавляя жуть, я подошел к нему и заглянул в лицо; минувшие черты его были неподвижны; проходили секунды, минуты, одна за другой, а глаза и губы его хранили все ту же мертвую неизменность. Взгляд мой упал на аппарат на треножнике, и я увидел теперь, что он о двух объективах. «Стереоскопическая камера», — подумал я. И мгновенно меня осенило: ведь это тот самый человек, что изготавил снимок с Зевсовой залы, ведь это его печальный двойник! Вот он стоит молча, выцветший, но все же телесный, призрак и снимает своим аппаратом этот минувший зал; уже 28 лет он снимает его,



не шелохнувшись, и вечно будет снимать! Все, что в тот далекий миг было вокруг фотографа, и он сам, таинственно повторилось на тонкой стеклянной пластинке и стало миром, затаенным в глубинах стереоскопа.

Мне хотелось прикоснуться к этой тихой фигуре, но почему-то я не решился. Я обошел ее и направился в смежную комнату. Там был почти сумрак; смутно различил я и опознал знакомые статуи, сидящие здесь. Большое окно в глубине бедно пропускало свет буроватого оттенка, и чрез него, как сновидение, глядела стена Зимнего Дворца. Новая человеческая фигура неясно рисовалась у окна; проходя, мельком видел я, что это был двойник капельдинера, стоявший неподвижно, повернувшись спиной ко мне. Мутный свет из окна странно отражался на ее лысой голове.

Так началось мое хождение по этим безжизненным покоям стереоскопного мира, по невозвратным залам Эрмитажа, давно уплывшего в минувшее, как умершее и застывшее мгновение. Из залы переходил я в залу, и тусклое эхо вторило моим шагам в углах и у потолка, замирало сзади меня каждый раз, как я приближался к дверям в новую комнату, и зарождалось вновь впереди. И всюду был разлит знакомый характерный запах нижнего Эрмитажа. На пути попадались здесь и там немые и неподвижные фигуры людей, похожие на вылинявшие восковые куклы, то были прошедшие посетители и сторожа этих невозвратных зал. Они хранили неизменно каждый свою позу, вперив стеклянные глаза в одну вечную точку. Порой я ловил эти взоры на себе или встречал их в упор; тогда я вздрагивал. Они стояли, и мертвенный свет лился на них. От них струился мне в душу таинственный страх и грусть.

Скоро, однако, я освоился с этим страхом и научился подавлять его. Я стал привыкать к безжизненным образам двойников, и проходя мимо них принуждал себя не уклоняться в сторону, а спокойно заглядывать в их лица. До одного из них я даже решился дотронуться; то был высокий пожилой человек в одежде покроя, какого теперь уже не носят; он стоял перед шкафом с древним оружием и утварью, держал в руке маленькую книжку и смотрел в

нее. Пальцы мои скользнули по шероховатому сукну воротника и коснулись шеи призрака. Кожа не была холодной как у мертвеца, в ней хранилась какая-то странная тепловатость; это была как бы выцветшая теплота живого тела... Я отдернул руку. Книжка, которую он держал, был каталог «Древностей Босфора», старое издание; я осторожно перевернул один лист и услышал слабый шелест минувшей бумаги. Перед другой фигурой я вздрогнул, почуяв в ней что-то знакомое. В этой узкой, с гулким деревянным полом зале Босфора, но настоящей, видывал я прежде старика-капельдинера и разговаривал с ним иногда; он исчез несколько лет назад, должно быть умер. И вот теперь в унылом полумраке прошлой залы Босфора узнал я в поблекшей фигуре старого знакомого. Только двойник, сидевший предо мной, был гораздо моложе; он не был еще седым стариком; таким я встретил его впервые, когда давно в детстве отец в первый раз повел меня в Эрмитаж, и мы вошли с ним в узкий зал, где хранятся древности скифов. Я отошел в глубоком удивлении.

Так бродил я в этой недоступной области. Порой я останавливался, шаги мои стихали, и тогда безмолвие этих странных залов было невыразимо глубоко и мертвенно; его нельзя было сравнить ни с каким другим безмолвием. И как тенисты, таинственны, жутки и грустны были эти невозвратные покои. В залах нижнего Эрмитажа никогда не бывает особенно светло даже в ярко солнечные дни; а тусклое сияние небес стереоскопного мира разливалось по буроватым залам лишь смутный загадочный сумрак, который особенно сгущался в отдаленных углах и закоулках. И порою, повинувшись влечению, порождаемому в нас всем неизвестным и страшным, я нарочно направлялся к этим темным местам, чтобы опознать их и припомнить. Там я смутно различал тогда знакомую вазу на подставке или шкаф с танагрийскими статуэтками; там иногда встречал я и немые неподвижные человеческие фигуры, непобедимо жуткие в глубоком сумраке уединенных закоулков. Теперь я уж совсем овладел своим страхом, хоть он и таился в сердце; неизве-

данное упоение пронизывало меня все сильнее; и я думал о том, как все это невыразимо, ненасытимо странно.

Так я достиг вестибюля – открылась огромная лестница, ведущая в верхние залы, и стало светлее. Те же куклообразные, давно минувшие люди стояли у вешалок. Мельком увидел я коричневое лицо швейцара, державшего пальто, и стеклянные глаза того, кому он помогал недвижно его надеть, на мгновение впериившиеся в меня, когда я проходил мимо. Я стал медленно подниматься по отлогим ступеням. Припоминался тот день, когда я с отцом давно-давно всходил в первый раз по мраморной лестнице Эрмитажа; переживалась вновь растерянность перед бесконечным рядом ступеней и странное затруднение в ногах. И теперь, стоя в недрах мига, застывшего 30 лет назад, и глядя на выцветший призрак лестницы, я думал: «Быть может лишь вчера прошел я, мальчик, с отцом по лестнице впервые? или, может быть, пройду по ней впервые еще сегодня через полчаса?» Потом я спрашивал себя: не сплю ли я? не во сне ли вижу эту невероятную область стереоскопа? Я проводил рукой по гляцевитой стене и ясно ощущал ее твердость и гладкость; я несколько раз щипал себя за щеку и дергал за волосы, думая, вот-вот проснусь, но не просыпался.

В залах верхнего этажа было светлее, но все же свет, проникавший сквозь окна и стеклянные потолки, был призрачен и печален. Паркетный пол рождал отзвуки шагов более гулкие и протяжные, чем каменные плиты там, внизу. Призраки знакомых залов открывались мне один за другим; ряды картин, знакомых, но лишенных живых их красок, глядели на меня со стен. Заметно больше, чем внизу, было здесь покойных посетителей; повсюду были их целые толпы. Казалось, я присутствую на мертвенном собрании восковых фигур в человеческий рост. Они стояли, вперяя в картины свои стеклянные взоры, некоторые, слегка закинув голову назад. Иные смотрели в каталоги; другие беззвучно разговаривали друг с другом, навсегда приоткрыв свои рты; и лица их от этого были странны и порой безобразны. Иные сидели в креслах и на диванах. Какой-

то старик, казалось, пытался объяснить что-то двум дамам (некто минувший таким же, как и он, минувшим!), и вечная поза его была причудлива: он как-то присел, склонившись слегка набок и разведя руки, и неизменное лицо было жутко и вместе смешно. Я был один живой среди них, выцветших, призракам подобных! Я пришел одинокий в их невозвратное обиталище! Но страх словно совсем исчез в моей душе; старое волшебство овладело ею всецело. Сбылись старые предчувствия странного упоения.

И неожиданно пришло мне в голову нарушить безмолвие прошлых залов; я крикнул громко и протяжно: «А-а-а-а!» Как описать впечатление от этого крика? Он быстро отрезвил меня от моего упоения и снова вселил в сердце щемящую жуткость. Звук ударился в стену и пробежал по карнизу, поблекший и пугающий. «А-а-а!» – отозвалось в соседнем зале. «А-а!» «а-а!» – отзывалось все дальше в призрачных обширных покоях. И чудилось, что отзвук обошел все мертвые залы наверху, спустился вниз в сумрачные покои нижнего этажа и смутно разгуливал и там. И наверху и внизу ему внимали, не шелохнувшись, одни лишь безответные двойники. И когда замер и затерялся последний отзвук, в призрачные залы вернулось их безмолвие, невыразимо глубокое и вечное. Больше я уже не кричал.

Страх поприших, и я опять бродил из залы в залу, будя в их тишине бесцветное эхо шагов. Потом я вновь очутился перед лестницей, уходящей бесчисленными ступенями вниз в буроватые сумерки вестибюля. У вешалок снова увидел я двойника, что застыло наклонился вперед и ловил руками, откинутыми назад, пальто, неизменно ему подаваемое; и снова на мгновение мне пересек дорогу его упорный взор. Вновь охватили меня полусумрак и прохлада нижнего Эрмитажа.

Вот глянул мне навстречу Египетский зал, глубоко знакомый и вместе чуждый в своей здешней призрачности. Он и настоящий беден живыми красками и светом; здесь же обступил он меня выцветший до конца, буроватый, тонуший в мертвенной мгле. Он был без конца безмолвен; был страшен и влекущ. В таинственном сумраке прислонялись к сте-



нам ассирийские барельефы; из стеклянных футляров глядели исполины, запеленутые, с грозно-веселыми и загадочными лицами; мрачными рядами стояли саркофаги; высился темный облик Сехт со львиной головой. Нигде странный сумрак стереоскопного мира не был так сгущен и так уныл, как здесь; особенно глубокие тени залегли между выступами той стены, где наверху у потолка прорублены квадратные окна с крылатыми фигурами. Страшное веяло из этих темных углублений, где глаза мои, еще не отвыкнув от более яркого света верхних зал, сперва даже не могли ничего различить. Я простоял неподвижно несколько минут, слушая мертвую тишину давно прошедшего. В голове бродила смутная мысль: «быть может, всего за полчаса в эту залу вошел в первый раз в жизни мальчик с отцом и впервые пахнули ему в душу от темных каменных саркофагов и расписанных деревянных гробов загадочные чары Древнего Египта?»

Потом я подошел к одной из круглых витрин и заглянул в нее. Там лежали амулеты, священные скараabei, большие и малые; темные и светлые всех оттенков унылого бурого цвета. Я глядел на них, и внезапно пришло в голову достать из витрины которого-нибудь из них. Эта мысль страшилась, но была соблазнительна. Машинально, не думая, что делаю, я надавливал пальцами на стекло; вдруг неожиданно оно странно хрустнуло и кусок его упал внутрь витрины. Жалобный звенящий звук пронесся по залу. Отверстие в стекле было еще мало, и я стал вынимать другой кусок. Я стоял наклонившись, но углом глаза неясно ощущал темное углубление налево от себя, лежавшее между двумя выступами стены. Скоро рука проникла в витрину и один из скарабеев был вынут; дивясь, ощущал я холодную твердость призрачного камня.

Вдруг внезапный страх проник в меня: я почувствовал на себе неподвижный тяжелый взор; он глядел из сумрака того углубления, которое я ощущал сбоку от себя налево. Я быстро поглядел туда. Там в углу за небольшим белым изваянием безмолвно стояла низенькая темная фигура, смутно вырисовываясь в сумраке. Она упорно смотрела на меня

должно быть с самого того мгновения, когда я подошел к витрине. И вот, когда я, не поднимая еще головы, лишь повернул ее в сторону, глаза мои встретились с ее упорно вперенными глазами, слабо отражавшими свет. Я выпрямился, отшатнулся назад и уклонился от мертвого взгляда. Не раз и раньше ловил я на себе застылые взоры обитателей этого мира; но эти глаза были особенно, непобедимо страшны. В них почудились мне укор и угроза; мне казалось, что я застигнут на месте преступления. И я понял вдруг, что свершил таинственное святотатство, ограбив витрину с темными двойниками скарабеев. С амулетом в руке, подавляя нарастающий страх, я стал приближаться к призраку. Я рассмотрел, что это была дряхлая старуха, низенького роста, сгорбленная, в темном старинном салопе, со странной шляпой на голове; подавшись вперед, она опиралась на свой зонтик и вперяла тяжелый взор в одну вечную точку. Смутные впечатления и мысли пытались в моей голове облечься в слова: «почти 30 лет назад какая-то причудливая старуха, Бог весть зачем, забрела в Эрмитаж и бродила по нижним залам; и, зайдя в Египетский зал, остановилась в уголке и смотрела оттуда прямо перед собою слегка поверх витрины со скарабеями, бессмысленно и таинственно, старыми глазами. И вот с тех пор застывший двойник ее в недостижимых областях стереоскопа вечно охраняет стеклянным взором темные амулеты и с ними глубокие тайны этих областей. А я пришел и дерзкой кражей посягнул на эти тайны»... Так говорил я себе о старухе.

Я подошел к ней сбоку, избегая мертвой вперенности ее глаз; обошел ее сзади. Я принудил себя дотронуться до ее салоп, приподнял край его, опустил и смотрел, как он слабо раскачивался и шевелился, пока снова не замер неподвижно. Она походила на безобразную и страшную фантошу. Теперь я мог рассмотреть ее довольно хорошо; сухая костлявая рука судорожно сжимала ручку зонтика, виднелась щека призрака, покрытая морщинами; жидкие волосы его начинались над ухом и уходили под старомодную шляпу; и эти коричневатые тоны лица! Я хотел уже отойти, но



странное побуждение влекло меня еще раз заглянуть ей в глаза. Я нагнулся и заглянул решительно. И вот то, что издали пугало меня, я увидел близко, в полуаршине от собственного лица! На мгновение предстали передо мною все застывшие подробности этих глаз, и я отшатнулся с дрожью ужаса. Затем произошло нечто, показавшееся безобразно-страшным. Фантоша качнулась, стала склоняться на бок медленно, потом быстрее и быстрее, и наконец рухнула на пол мягко, почти беззвучно; зонтик выпал из ее рук и с бледным звуком ударился о плиты пола. Я отскочил с воплем ужаса на несколько шагов и замер, смотря на двойника; он лежал недвижной темной кучей, а по потолку залы бежало эхо моего крика, смутно умирая среди безмолвия призрачных зал. Еще несколько мгновений стоял я так, потом повернулся, бросился прочь и выбежал в вестибюль.

Я бежал долго; наконец остановился с холодным потом на лбу и неистово колотящимся сердцем. Я старался прийти в себя; уяснить себе сущность происшедшего. Почему она опрокинулась? задел ли я ее незаметно для себя? или дрогнула под моими ногами какая-нибудь из плит в полу? И казалось и непобедимо верилось: старуха сторожила выцветший зал Египта; и падением ее потревожены страшные тайны призрачной залы и всего невозвратного мира. Таинственный ужас, который я доселе покорял в сердце, теперь вырвался на волю и завладел им. И в первый раз пришло мне в голову: «как вернуться мне назад, как вырваться отсюда?»

И только тут я понял, что меня ждет отчаяние. Я был одиноким живым, затерявшимся в этих мертвенных областях, отрезанных непреступаемою гранью от мира жизни и настоящего. Я не знал, каким путем я проник сюда; как же мог я найти путь отсюда? И если мне и удастся наконец отыскать выход, то сколько времени пройдет до этого? Что если до тех пор со стереоскопом, что стоит на столе моем под лампой, случится что-нибудь? Не обречен ли я остаться навсегда в тусклой стране, где обитают лишь вечно неизменные двойники минувших, где в сумрачной зале

недвижно лежит навзничь безмолвный призрак со страшными глазами? Я весь покрылся холодным потом; сердце ныло от ужаса и смутения.

Тогда я решил не дать им овладеть мною до конца. Я попытался обсудить все хладнокровно, обдумать, что мне делать. Я увидел, оглядевшись, что стою недалеко от больших шкапов с книгами; неясно и знакомо высится в десяти шагах от меня огромная голова на высоком постаменте, а впереди, сзади и налево уходят вдаль выцветшие пространства обширных покоев. Я встал в темный угол между стеной и шкапом и прижался спиной к стене, чтобы ни один из молчаливых обитателей зала не находился сзади меня. Там стоял я неподвижно, сам словно чей-то тихий двойник, и старался собрать мысли. Но долго это не удавалось; только глаза мои бесцельно и полусознательно изучали сеть жилок на мраморе минувшей стены в полуаршине от меня, а в голове назойливо и бессмысленно бились какие-то стихи, Бог весть почему всплывшие в памяти: «и будто стоном в темной бездне отозвалось и умерло, отозвалось и умерло»... Потом сердце стало стучать спокойнее, и мысли несколько прояснились. И тогда внезапно и как бы сам собою явился ответ на страшный вопрос. Я понял, что у меня всего один путь, где я могу попытаться счастья: нужно найти то место на полу, откуда сделал я первый шаг в своем странствовании по недрам стереоскопа; встать и ждать; что могу я сделать больше? Быть может, то же самое чудо, что бросило меня сюда, унесет меня снова отсюда в жизнь и настоящее. Я вышел из своего убежища и направился к Зевсовому залу. Я шел осторожно, стараясь не будить шагами эхо, не останавливаясь, не вглядываясь в редкие фигуры, сторожившие в сумраке. Один зал, потом другой; вот капельдинер, старый знакомец; вот высокий двойник с каталогом в руке. Длинный ряд призрачных залов свернул налево, показался вдали зал Олимпийца, посреди него уже вырисовывалась неподвижная фигура фотографа. Вот небольшая полутемная комната; лысый человек по-прежнему стоит, повернувшись к окну, и свет смут-

но отражается на голой голове его. Вот наконец и зал Зевса.

Я подошел к фотографу и вплотную придвинулся к его аппарату; трубки объективов были всего на вершок от моего лица; они пришлись как раз на высоте глаз. Потом, не сходя с места, я повернулся кругом и осторожно затылком прикоснулся к трубкам; так я замер, лишь медленно и слегка поворачивая голову то вправо, то влево. Наконец, показалось мне, что я отыскал. С этой точки, в этом повороте тридцать лет назад снял зал тот, чей призрак теперь тихо стоял позади меня. Я стоял на том самом месте, где ноги мои впервые стали на пол минувшего зала. Я ждал, но ничего не изменялось, и отчаяние снова стало мной овладевать. Но вот с радостным замиранием сердца я ощутил что-то, почувствовал, что освобождаюсь из недр зала; стены его уменьшились, словно отступая вдаль. Запах керосина проник снова в ноздри, и я снова услышал заглушенный бой часов за стеной у соседа. Потом явилось сознание, что я по-прежнему сижу у себя в комнате перед зажженной лампой, упираясь локтями в стол и бровями прикасаясь к призматическим трубкам стереоскопа; призрачный зал, видневшийся сквозь линзы, по-прежнему казался далеким и внешним.

Радость охватила меня; облегченно вздохнув, я встал и прошелся по комнате, едва решаясь верить своим чувствам. Я пытался о чем-то пораздумать, что-то сообразить, но голова была тяжела и кружилась, мысли путались. Я завернул лампу; шатаясь, подошел к постели и прилег, не раздеваясь. Незаметно для себя я заснул.

Сон был тяжелый, но без сновидений. Когда я проснулся, новый морозный день уже встал и проникал через щели у штор голубоватыми просветами. Я лежал некоторое время и потом вдруг вспомнил. Все происшедшее ночью показалось мне сном. «Вот странный сон, – подумал я, – точно в детстве! Должно быть, я заснул вчера перед стереоскопом». В ту же минуту я почувствовал тупую боль в боку, лучше сказать, обратил на нее внимание, потому что смутно она тревожила меня и раньше. В правом кармане ока-

зался какой-то твердый предмет, и, лежа на боку, я придавливал его. Я приподнялся и вынул из кармана толстый диск дюйма в два в поперечнике, на ощупь каменный. Я бросился к окну, рванул вверх штору и взглянул на него при свете; происшедшее накануне не было сном! Я положил скарабея на стол, рассматривал его, не веря глазам, и говорил себе: он минувший! Он был такой же, как и там, когда я вынул его из витрины в таинственном зале; темно-коричневый, шероховатый на ощупь и довольно тяжелый. Он был еще тепел от пребывания в кармане и медленно остывал, как настоящий камень. Должно быть, бессознательно я сунул его в карман во время своего дикого бегства.

Потом взгляд мой упал на стереоскоп; он стоял на кипе книг в том положении, как я оставил его ночью. Я сел за стол и заглянул в выпуклые, странно блестящие линзы. Подобно сну, снящемуся во второй раз, глянули на меня оттуда темные стены, белый саркофаг в глубине, выступ, скрывающий голову во фригийской шапке; по-прежнему блеснул пол, по которому я ходил; смежные залы виднелись за дверью, где я разгуливал вчера, где лежит страшный двойник старухи. Вздвогнув, я отвел глаза от линз, словно боясь, что этот мертвый зал снова приблизится и поглотит меня в свои недра.

Дверь притворилась и заглянула Марья. «Уже встали? – сказала она. – Одежда ведь так и нечищена, и сапоги...» Она взглянула на стол и прибавила: «Что это вы зря жжете керосин? Вчера ушли из дому, а лампу оставили гореть. Я как пошла спать, вижу, что свет; дверь не затворена, заглянула, а вас нет, только лампа горит. Хотела я погасить, да вижу: что-то у вас на столе наставлено; думаю, еще забранит... Не стала трогать...». – «Ничего, Марья, – сказал я. – Я уходил ненадолго, и хорошо, что вы ничего не тронули на столе. А платья, пожалуй, сегодня можно и не чистить». – «Ну ладно, коли не нужно. Девять уже било». И она ушла. Мне пришло в голову, что бы она подумала, если бы заглянула в стереоскоп вчера в мое отсутствие и вдруг увидела бы меня, выходящим из двери странного зала, таяще-

гося за линзами? Или, если бы Марья в самом деле загасила вчера лампу на столе, что бы стало со мною? Черный мрак разлился бы тогда по покоям, где я блуждал; и я остался бы в нем одинокий, мечась в ужасе и отчаянии, натываясь во тьме на застывших двойников и опрокидывая их! От этой мысли у меня захолонуло сердце.

Я долго сидел за столом; припоминал пережитое ночью, и оно воскресало во мне со своими образами, с чувствами и смутными мыслями. Я думал о прошлом мире, что лишь вторит тусклыми отзвуками шагам и голосу пришельца, но сам вечно безмолвен; об этом прошлом мире, который подобен поблекшему призраку настоящей жизни, но вместе с тем загадочно телесен и осязаем. Я думал о его обитателях, и казалось мне: быть может, они не до конца мертвенны; они неподвижны, и неизменны лица их, но, быть может, в них таятся некие подобия чувств, такие же застывшие и выцветшие, как и они сами. Не от них ли льется великая и тихая грусть, которой так полон мир стереоскопа; которая веет от стен, от потолков, от всех предметов, от самого бледного неба в душу того, кто заглянул в линзы? Не грустят ли они, вечно и тайно, о том, что навсегда минуло вместе с ними? Иль, может быть, в иных двойниках зарождается подобие мертвенной злобы, когда в их область заглядывают живые глаза из нашего мира. Ибо жутки и страшны области стереоскопных недр, особенно там, где гуще залег их сумрак. Не злоба ли минувших на то, что подсматривают за ними, что вторгаются к ним, наполняет жутью и стены, и потолок, и анфилады призрачных покоев; жутью и страхом, что струятся в сердце глядящего в линзы? Тогда вновь возник пугающий облик старухи.

И вдруг среди мыслей, вновь обращенных к ней, поразил меня один далекий, давно забытый образ, какое-то старое, старое воспоминание, уже много лет как затонувшее бесследно в душе; быть может, обрывок сна, виденного в глубоком детстве! Мне почудилось теперь, что мне когда-то в туманной давности уж встретился однажды иль снился причудливый старушечий образ; и еще туманнее, еще смутнее вспоминалось при этом, что я встретил его в каком-то об-

ширном и сумрачном помещении. И воображение взялось за свою ткань; оно пыталось восстановить бесследно исчезнувшие части этого обрывистого видения и установить иные таинственные связи. Оно подсказывало мне: почти тридцать лет назад мальчик с отцом стоял в зале Эрмитажа, тогда живого, и впервые в душу ему веяла величавая таинственность Древнего Египта; и вот тогда-то глаза его пророчески встретились с ветхими глазами какой-то старухи на одно мгновение. Они разошлись, и он никогда не видел ее больше, и жуткое воспоминание о ней хранилось в нем недолго. А она в тот день после их встречи еще долго бесцельно бродила по обширным анфиладам и опять зашла в сад Египта и была там в миг, застывший в стереоскопе. И вот двойник ее в поблекшем зале стал вечным хранителем тайны прошлых стран. Наконец я очнулся от своих размышлений и грез; стереоскоп стоял передо мной на столе; я смотрел на него со странным чувством, в котором страх сплетался со старым влечением. Я решил убрать его подальше; обернул в газету и спрятал в шкаф. Пора было идти в Правление. Я запер в стол скарабея, потом оделся и вышел из дому.

Весь день я был как в тумане, объятый впечатлением от ночного странствования. В Правлении я лишь празднично сидел, позабыв о бумагах, разложенных предо мной, погруженный в невероятные воспоминания. Мысль проникнуть туда во второй раз долго не приходила мне: еще в душе были вняты отголоски ночного страха. Но проходили часы, и старые влекущие чары того мира, не смолкавшие во мне, наконец подсказали мне эту мысль. И я говорил себе, что мне стыдно отдаваться всецело страху; что, познав его в первом странствовании, я могу во второй раз проникнуть за грань линз с большим спокойствием и властью над собою. Потом внезапно вспомнил я, что теперь мне уже известен путь назад оттуда; и я радостно взволновался – ведь мне уже не грозит опасность остаться навеки в печальных областях прошлого: исчезло это препятствие таинственным соблазнам стереоскопа. И спокойнее думалось о старухе. И вновь вызывал я из глубины памяти смутное видение, быть

может сонное, о первой давней, давней с ней встрече; и дивился опять на иные тайные связи в судьбе человека. Время, обычно такое медлительное, быстро проходило в осмелевших мечтах. Я представлял себе, что будет, если я решусь снова проникнуть туда... Я не останусь только в залах Эрмитажа; я достигну до входной двери, отворю ее и выйду и буду бродить по улицам прошлого... Тут пришла мысль, что и там на улицах холоднее, чем в залах; вспомнилась дата в углу снимка: «21 апреля», конец апреля... и я подумал, что надо взять с собой пальто и шляпу... Я оторвался от грез. За окнами угасал голубой морозный день; электрические лампы уже бросали свет на столы и стены, и потолок погружен был в тень от абажуров; среди табачного дыма ярко освещенные головы наклонились над столами, слышен был сдержанный говор и шелест бумаги. Мир жизни и настоящего дохнул на меня с особенной силой, и я спросил себя, не сошел ли я с ума и брежу небылицу? Но, вспомнив о скарабее, я надавил кулаком правый бок, и пробудившаяся слабая боль убедила меня, что он вправду был утром в моем кармане.

Так проходил день, и я не переставал думать обо всем этом и уходя из Правления, и в ресторане за обедом, и у приятеля, к которому зашел по делу. Наконец, когда вечером около девяти я вернулся домой, во мне уже было жуткое решение. Я зажег лампу, достал стереоскоп и поставил его на кипу книг, как накануне. Потом я опустил штору и запер дверь на ключ, чтобы Марья по усердию не наделала бы беды. Сев за стол, посмотрел довольно ли в лампе керосину; затем вспомнил, встал снова, достал пальто, кашне и шляпу и, одевшись, уж окончательно уселся за стол. Сердце замирало от смутной, ноющей жути, но я решительно приблизил глаза к линзам и стал смотреть.

Прошло около минуты, и вот вчерашнее повторилось: свершился волшебный переход чрез страшную грань. Я вновь стоял среди мертвого зала. Я обернулся и пристально рассматривал лицо недвижимого фотографа. Застылость искажала черты, но все ж оно казалось одухотворенным и значительным, а в безжизненных глазах его была печаль и

глубина. Ему было на вид лет пятьдесят, и седина сильно выступала на висках. Не тот ли человек, чьим двойником остался здесь тихий фотограф, создал и стереоскоп? Не призрак ли того, кто нашел запретный путь в страны прошлого, стоит здесь предо мной и грустит о минувшем? Так говорил я себе о нем.

Потом я направился к вестибюлю; и шел туда опять тем же путем, кругом через все нижние залы; ибо страшился пройти через зал Египта. И снова эхо шагов тускло звенело и умирало у карнизов; снова печальный сумрак царил в обширных покоях, а обитатели стояли здесь и там, подобные восковым куклам; сторожили в темных закоулках; иные тайно злобились на меня; иные грустили о минувшем вместе с ними. И снова, когда я останавливался, воцарялась мертвая, ни с чем не сравнимая тишина. Так я достиг вестибюля. Я был уже у самой входной двери, но, повинуясь странному побуждению, приостановился; потом медленно и осторожно подошел ко входу в Египетский зал; переступил его порог шага на три с холодком на сердце и, остановившись здесь, оглянулся вокруг. Все было, как и вчера: лишь в том конце зала я рассмотрел теперь в полутьме двух призрачных посетителей, которых тогда не заметил. Я повернулся к витрине с зиявшим отверстием в продавленном стекле, поднялся на цыпочки и заглянул поверх нее в углубление за нею под окнами: там в мертвом сумраке виднелся темный предмет, похожий на кучу тряпья. Утолив жуткое любопытство, я поскорей вернулся обратно, подошел к входной двери и потянул ее; она мягко и бесшумно подалась; и вот я стоял на давно прошедшем крыльце с исполинскими кариатидами.

И я увидел перед собой улицу, уходящую налево, знакомую и вместе с тем чуждую и страшную, какими порой являются в сновидениях хорошо известные места. Направо расширялась огромная площадь с Колонной посреди, столько раз уже виданная, но также словно искаженная в сонной грезе. Все здесь было мертвых коричневатых тонов – и мостовая, и тротуары, и длинные ряды домов, и туманный Собор вдали, и тусклое небо наверху. Я спустился с крыль-

ца; мостовая была суха, но кое-где стояли лужи, одни с застывшей рябью, другие гладкие, как зеркало; в этих четко отражались призраки домов. Воздух вокруг был недвижим: но было гораздо холоднее, чем в залах, и я не жалел, что я в пальто и шляпе. Навстречу попадались пешеходы, застывшие в странных позах на ходу; с одной ногой, выставленной вперед, так что носок торчал кверху, с другой – отставленной назад. Приглядываясь к ним, я понял, что сильный ветер непостижимо застыл в мертвенном затишье воздуха; потому что пальто их неподвижно вздувались и развевались, и некоторые из них наклонялись вперед и придерживали свои шляпы. То был минувший ветер.

Я тихо брел по широкому и печальному пространству. Такою видели люди живую площадь тридцать лет назад; иное изменилось на ней с тех пор. И таинственным казалось мне, что ни один глаз теперь не может видеть ее т а к о ю и что т а к а я она без возврата минула. Фасад Дворца темный, умерший, тянулся предо мной и, кончаясь слева, свободно давал видеть далекие толпы прошедших зданий за рекою; так было когда-то прежде. И, дивясь, я думал, что вот отсюда, с живой площади, никто никогда уже не увидит этих зданий: высокая решетка нового сада пред дворцом скрывает их... Страшная тишина царила вокруг, ни звука не возникало, кроме слабого отголоска моих шагов, бесследно терявшегося в открытом просторе. Я взглянул вверх и увидел впервые в бесцветном небе призрак солнца, озаряющий этот чудовищный мир. Оно стояло еще довольно высоко, но было безмерно тусклее живого солнца: на него можно было смотреть, не щуря глаз. Печальным светом оно заливало этот странный умерший город. Мрачные тени лежали от зданий и Колонны; и так же недвижны, как и они, были тени одиноких пешеходов и редких экипажей с лошадьми, застывшими на бегу, и тихими седоками. Тускло и безжизненно блестела исполинская игла над знакомой белой башней; золото выпцвело и умерло в ее сиянии. Лучи давно минувшего солнца слабо, но заметно грели.

Потом я вышел на большую широкую улицу, в которой узнал Невский прошедших времен. Она была наводнена не-

мыми жителями выцветшего города. Одних я встречал, других нагонял, мужчин, детей, по одиночке, по двое и целыми толпами; по широкому тротуару они как бы шли, не двигаясь с места и не шевелясь; у многих застывшие позы были причудливы и порою нелепы. Одни, по-видимому, бесечно прогуливались, другие спешили вперед, и у этих на лицах стояла странная озабоченность. На противоположной стороне также тянулись они темной непрерывной вереницей. Их пролетки, коляски и кареты недвижно катились по мостовой по обоим направлениям. Был разгар движения; как будто минувшие обрадовались яркому сиянию своего призрачного солнца, высыпали на свой Невский и жутко и печально играли в жизнь; и мне чудилось, что все они что-то таят против меня и в тайне грустят о том, что прошло с ними без возврата.

Ряды домов уходили вдаль, виданные не раз, но чудовищные, словно в тяжелом сновидении. Я шел все вперед; порою смотрел вперед на огромную выцветшую перспективу, и, докуда только мог достичь мой взор, всюду, все чернее и черней, по ней густели нескончаемые толпы призраков. Издали они казались более похожими на живых, двигающихся людей; но, приближаясь, убеждался я, что все это лишь застывшие двойники людей, когда-то живших и двигавшихся. Вот далеко впереди виднеется группа призраков; они словно идут навстречу и лица обращены ко мне. Я ближе, ближе к ним; яснее видны лица, они недвижно глядят пред собою, и я уж чувствую на себе их мертвый упорный взор; другие обернулись друг к другу с застывшими улыбками. Вот поравнялись со мною, вижу близко и отчетливо их поблекшие черты, то причудливые, то страшные. Потом миную их; и следуют новые встречные, новые толпы, и все застыло и бескрасочно, и от всего веет в сердце великая грусть. Все молчат, как мертвецы; безмолвствуют там у храма с пасмурной колоннадой и здесь, против отдаленной громады Театра, выходя из подъездов, переходя через дорогу. Ни говора, ни шепота, ни смеха, ни шума экипажей, ни гула великого города; одна только вечная и страшная тишина, нарушаемая лишь быстро угасающими

отзвуками моих шагов. Гулко бьется в сердце тихий таинственный страх, но оно владеет им... И думается о том, что иного, хранящегося здесь, уже никто никогда не увидит на живом Невском; и я гляжу, дивясь, на это платье исчезнувшего покроя на призраках, эти прежние магазины, эти забытые вывески...

Так шел я, одинокий, и лишь моя молчаливая тень на бесцветных камнях была мне спутником. Так шел все дальше из улицы в улицу одинокий живой человек, затонувший в недрах огромного мертвого города. И был затерян среди сотен тысяч его домов; и каждый из них был заселен сверху донизу тихими минувшими. И вокруг меня на целые версты тянулись и скрещивались его улицы и расстилались его площади с безмолвно стынувшими на них двойниками когда-то живших. Все было ненасытимо странно в нем, и печальное и страшное веяло в нем отовсюду. Мне вспоминалась старая арабская сказка о Медном Городе, куда проникли однажды эмир Мусса и шейх Абдоссамад.

Как-то очутился я на узкой темной улице. Я брел по тротуару и вдруг вздрогнул и остановился с забившимся сердцем. Я вспомнил, я узнал место и призрак старого мрачного дома на той стороне! В том мире, откуда я пришел, я хорошо знаю эту улицу; много, очень много лет я хожу по ее камням; жизнь и настоящее незаметно из года в год преображали ее, меняли неуловимо ее облик; они уничтожили тот дом, они поставили новый на его месте, а прежняя позабытая, с мрачным домом, затаясь в недрах стереоскопа, все уплывала и уплывала она в прошедшее. И вот вновь проник я сюда и стою и смотрю на снова без конца знакомые окна 4-го этажа, где я жил когда-то, еще ребенком!

С трепетом я подошел к крыльцу. Да! Вот две кривые темные ступени, те ступени! До мелочей припоминаю их. Вот старая стеклянная входная дверь, узнаю ее, снова узнаю! Я только ее и вижу: вот она, пустынная, забытая и вновь бесконечно знакомая лестница! Царит унылый сумрак, как и тогда, ощущается слабый запах газа, как и тогда! Дальше – внутренняя стеклянная дверь; вот она захлопнулась за мною, и печальный звенящий шум, когда-то часто

слышанный, раскатился по призрачной лестнице и на несколько мгновений наполнил ее снизу доверху. В душе смутным потоком идут воспоминания детства одно за другим, одно за другим. Направо под лестницей темнеет узкая каменная площадка, и дивлюсь, как ни разу не вспомнил о ней в течение этих долгих годов; когда-то мое детское воображение населяло ее сумрак. Вот первый марш; считаю ступени; их тринадцать, как и тогда; взгляд останавливается на третьей сверху: на ней слева большая трещина; что-то копошится в памяти, потом радостно просыпается, и вот опознаю эту бесследно забытую трещину в камне, вспоминая все разветвления ее. Стою на площадке и в широкое окно вижу мрачный двор, внутренние флигели дома; и все является мне как сон, когда-то раньше уж снившийся и пригрезившийся вновь; и ряды окон, и крыши с трубами и флюгарками, и дальше сливающаяся громада призрачного города; все такое же, как и т о г д а, но прошедшее и выцветшее. Я иду выше по лестнице, и тишина ее нарушается лишь звуком моих шагов, и вновь становится без конца глубокой, когда я останавливаюсь. Я поднимаюсь с этажа на этаж, и на каждой площадке – смутно знакомая дверь; и воспоминания, пробуждаясь от долгого сна, узнают в буроватом сумраке очертания этих дверей, оконца над ними, ряды гвоздей обивки, дощечки с именами жильцов и радостно шепчут: «Так же, как и т о г д а!» Я глядел на дощечки; имена, что на них, я слышал ребенком от взрослых в те давно прошедшие дни, имена соседей. Здесь за сумрачными дверьми таинственно и безмолвно жили теперь их двойники. Дощечки блестели мертвенным блеском, в них выцвело живое сияние меди. И очертания их были такие же, как и тогда: прямоугольники со срезанными углами.

Вот я достиг последнего марша лестницы и взглянул вверх. Боже ты мой, там была наша дверь! Волнение и страх охватили меня. Я поднялся по ступеням на площадку. Здесь дощечка на двери и имя отца, и буквы, когда-то изученные моими глазами и потом глубоко забытые! Вот узкие оконца наверху; чрез стекла их виднеются погруженные в сумрак потолок прихожей, верхняя часть зеркала, стоящего



там у стены; виднеется звонок. Наружная ручка звонка здесь предо мной; я рукою ощупываю ее. Сам не зная зачем, я потянул ее, и вот за дверью внутри раздался звук давно забытый и снова знакомый, и словно выцветший; и призрак звонка, видимый через стекло, знакомо заколебался.

Тогда я заметил, что дверь не заперта плотно; одна половина приоткрыта и образовала щель; толкаю ее дальше, она поддается, но вот остановилась: что-то задерживает ее изнутри. Да! ведь там была цепь; дверь забыли запереть, но цепь заложена и мешает. Я просунул руку в щель и искал; и вот холодная цепь коснулась руки. Слышно, как опустилась она, глухо ударившись о дверь. Медленно отворяется дверь, и является мне, как во сне, приходящая прежних времен! Вот в сумраке вешалка с пальто и шубами, где я некогда прятался, играя. В ноздри проникает запах, разлитый здесь, и радостно опознается в безвестных глубинах памяти; и глаза в полумраке вновь следят за рисунком обоев и карниза, и таинственно подтверждается из глубин памяти: «тот же, что и тогда!» Вот старое зеркало у стены; кто это глядит из него на меня в тихом сумраке? То я сам в пальто и со шляпой в руках отражаюсь в его призрачной глубине; я, живой — в зеркале минувшего. И все вокруг было выцветшее и напоено грустью о прошлом.

Направо дверь; я знаю: там кабинет отца; вижу с замиранием сердца и узнаю его темные стены, круглую печь и потолок. Решившись, вхожу в комнату; и воскресла она предо мною явственнее и жутче, чем в моих снах! Господи, кто это сидит за столом у дивана? Недвижный призрак человека, это — он! Подхожу, мучительно и жутко узнаю вновь дорогие черты; обхожу вокруг кресла, гляжу на темя, на затылок, на руки, лежащие на коленях, и взволнованные голоса памяти подтверждают все до мелочей. Я помнил его, каким он был перед тем, как ушел от нас навсегда 15 лет тому назад; и вот здесь сидел предо мною его тихий двойник. Лицо его было недвижно и не было на нем живых красок, но все же было видно, что лицо двойника моложе того последнего лица из мира жизни; светлее выражение и меньше морщин, и не так глубоки скорбные складки у губ.

Он сидел, словно глубоко задумавшись, и я смотрел на него ненасытно. Тридцать лет, как это минуло! Я сел на выцветший диван против него, и вот мы сидели вместе, как сживали в далекие золотые дни здесь же, на тех же местах. И я ощутил вновь давно и бесследно забытую упругость дивана; я обонял снова давно забытый слабый запах табачного дыма, присущий этой комнате. Письменный стол, картины на стенах, книжные шкапы, привычные, как тогда, окружали нас; двор, когда-то столь знакомый глазам, глядел в окна; все было так, как в дальние годы, когда я мальчиком сживал с отцом в кабинете. Но все ж не вернуть того, что прошло: и я уже не был мальчиком, и со мной сидел лишь печальный двойник минувшего; и прошедшими и призрачными были и стол, и шкапы, и картины, и старый двор за окном. Все было полно щемящей печали о былом; и он сам, казалось, тихо грустил, что минувшее не вернется, не вернется никогда; и я грустил с ним; таинственные слезы подступали к горлу. Потом я поднялся и пошел дальше. Тогда обступила меня давно умершая гостиная; и все в ней, столь обычное когда-то и забытое, призрачно глянуло на меня. Темные обои, три окна с цветами на них; стены противоположного дома смотрят на них; два высоких зеркала; лучи минувшего солнца падают на пол и мертвенным блеском отражаются на паркете. И вижу: сидит за открытым роялем призрак девочки и руки ее недвижно бегают по клавишам. Я наклонился к застылому и выцветшему лицу и уж не спрашиваю, кто она? И воспоминания, пробуждаясь от долгого сна, подтверждают: такие, такие черты были у ней, когда мы с нею были детьми и играли в этой комнате! Все воскресало и подтверждалось, бывшее и угасшее в памяти. Я стоял у рояля; и она и я, двойник минувшей и живой человек, вместе отражались в призрачном зеркале у стены. Поблекший ряд комнат открывается предо мной; иду по ним и тускло звучат шаги. В конце его таинственно глядит мне навстречу печальная комната, некогда без конца обычная, наша минувшая детская. Прежний стол виден там; кто-то сидит за ним, тень сидящего лежит на полу, но самого его отсюда не видно: он за



дверью. Вот подхожу и заглядываю: там сидит призрак мальчика. Ему лет семь или восемь на вид; молча и не шевелясь, он рассматривает книгу перед ним на столе. И вот узнаю с замиранием сердца, что это мой двойник! Эта темная курточка была моею: я носил ее когда-то. И книгу эту я видал прежде много-много раз, этот старый и истрепанный журнал. Вот вижу: умершая книга раскрыта на странице, где большая гравюра изображает голову великана с закрытыми веками и серьгами в ушах, двух рыцарей с мечами и трех дам, и мрачный пейзаж окрест. И узнаю в ней один образ, смутно и бессвязно хранящийся в памяти моей доселе из далекого детства, и знаю теперь, откуда он возник: то воспоминание о давней книге, уж много-много лет не виданной. Двойник сидит тихо и печально, вперив застывшие глаза в гравюру, и жадно я всматриваюсь в бесцветные черты и распознаю в них свое теперешнее лицо, в них уже загадочно затаенное. Я отхожу, останавливаюсь перед окном, и снова через 30 лет гляжу вниз на нашу прежнюю, умершую улицу; она лежит там узкая и неприветливая, какою видел я ее ребенком, сидя на этом же окне; пешеходы и извозчики стыннут там внизу в буровой тени, бросаемой ее домами.

Я бродил по комнате; дотрагивался до стен ее, когда-то обычных; я трогал и брал в руки свои прежние игрушки, бесследно забытые. В темном уголку нашел я свою лошадь, о которой всегда сохранялось у меня смутное воспоминание. Как мала мне казалась она теперь; в боку ее зияла дыра, и, нагнувшись, я снова ощутил тот знакомый когда-то запах папье-маше, исходивший оттуда. Детская кровать стояла в конце комнаты; я подошел к ней, и пришла странная мысль; я прилег на нее. Она скрипела и ходила подо мною, и ноги мои не помещались на ней. Я лежал и как бы забылся, и представилось мне, что и сам я минувший. И отсюда я видел заслонку у печи с двумя круглыми ручками на ней, когда-то казавшимися мне с подушки парой чьих-то злых, упорных глаз; и над собою на потолке видел я круглое лепное украшение, каждый завиток которого изучил я когда-то отсюда с подушки. Как бесследно затонули

эти предметы в глубинах моей памяти! Никогда в моей жизни не всплывали они оттуда. Но, чудилось мне, теперь я сам спустился в глубины, где таятся они, сам стал минувшим, и гляжу на них, выцветших, дивясь, и радостно твердят голоса памяти: «Это они, которых ты без следа забыл на столько годов!» – Я очнулся от мимолетного забвения: ведь я был живой. Я повернул голову к окнам: там у стола спиной ко мне безмолвно сидел тот, кем я был; печальный призрак мальчика. Потом проникал я в другие комнаты, из одной в другую, все так же неустанно дивясь. Я прошел по длинному темному коридору, где стояли по стенам прежние шкапы; в конце его обычно зияла тьмою ванная комната, населенная моими детскими страхами. В сумрачной столовой видел я старые стенные часы и вновь узнал их облик; недвижно они показывали начало четвертого. И также узнал я вновь лампу над столом, давно исчезнувшую; я дотронулся, она медленно закачалась с тихим скрипом. Потом снова я шел в те комнаты, где сидели близкие мне тихие двойники. И я был одинокий живой человек среди них, давно отошедших; пришедший к ним в их невозвратное обиталище. Я стоял, затонув в бездонной тишине прошлого, и грустил о том, что не вернется оно; плакал в душе о том, что не дано человеку изжить то же мгновение снова и снова, тысячу раз. И вместе с тем сердце до краев наполнялось неизъяснимым упоением: сбылись старые предчувствия волшебств стереоскопа! И я благодарил Бога за его чудеса и тайны. Я становился на колени в глубоком изумлении перед теми печальными призраками и подолгу стоял в благоговении перед каждым из них, перед священными двойниками минувшего; а они все сидели тихо-тихо, безответно молчали и тайно грустили о том, что ушло с ними навсегда.

Но вот незаметно в душу мне проникли первые, еще тонкие струйки возвращавшегося страха. Я огляделся вокруг, и мне почудилось, будто в этом неизменяемом мире что-то едва заметно, но странно изменилось; и вдруг убедился я, что в комнатах немного с т е м н е л о с тех пор, как я вошел; я посмотрел в окна: казалось, и тень, кроющая сте-



ну дома напротив, тоже словно углубилась. Я подумал, что глаза мои, быть может, обманываются; но страх не уходил, и таяло перед ним в сердце упоение, и враждебное стало мерещиться в близких мне двойниках. Я еще раз обошел комнаты, бросив прощальный взгляд на все; вышел на лестницу и, притворив дверь, заложил по-старому цепь, чтобы все оставить так, как было раньше. Потом я быстро спустился вниз; стеклянная дверь внизу еще раз захлопнулась за мной, наполнив сумрачную лестницу снизу доверху звенящим шумом; и я снова был на улице.

Я шел, прислушиваясь к отголоскам пережитого упоения, все еще не смолкавшим. Но, снова вглядываясь в тени от домов и печальные дали улиц, понял я вдруг, что глаза мои и раньше не ошибались: в мире стереоскопа воистину свершалось загадочное потемнение. Словно смеркалось в нем; страх мой вырос, овладел сердцем, изгнав упоение, и таинственно слился с наступающими сумерками. И вот после долгого промежутка вспомнил я снова о старухе, лежавшей навзничь в темном зале, и содрогнулся. И в ту же минуту жуткое предчувствие шепнуло мне: это ее мертвенная злоба наворожила эти сумерки... Тогда одно стремление всецело овладело мною: скорее достигнуть Эрмитажа. Поспешно шел я мимо толп молчаливых призраков, и шаги мои торопливо звучали среди умерших улиц. Пугающий образ старухи стоял предо мною; и снова думалось мне о первой встрече моей с нею, с живою, что хранилась в памяти, как бессвязное далекое видение; и о иных связях в судьбе человека. Не в тот ли самый день произошла наша встреча? И вот, я говорил о себе, о минувшем двойнике моем там в мрачном доме: быть может, какие-нибудь умершие, выцветшие думы таятся в призраке; и мальчик, сидящий там над книгой за столом, мертвенно думает об Эрмитаже, где впервые был и откуда только что вернулся, о таинственном сумраке Египетского зала и о встреченных среди него на мгновение ветхих глазах странной старухи...

Я спешил, почти бежал. Полпути миновало, когда я заметил с ужасом, что над городом смерклось еще глубже. Теперь явственней стали бурые тоны в перспективах улиц,

страшнее стали тени, лежащие от домов; все глубже погружались в них пешеходы и экипажи. Зловещи и печальны были эти коричневые сумерки стран стереоскопа. Солнце не склонялось к закату; оно недвижно стояло все там же и постепенно помрачалось вместе со своим миром; на него становилось все легче смотреть, не щуря глаз. Буроватый оттенок разлился в небесах. Все более и более зловещим делался мертвый город и бесчисленные полчища двойников. Я ускорял шаг и наконец взойшел на знакомый небольшой мост; в отверстие арки, перекинутой в отдалении через мрачный канал, глянула на меня на миг широкая стемневшая река. Усталый, я взойшел поспешно на крыльцо с исполинскими кариатидами. Мрачный вход в вестибюль веял на меня страхом, и некоторое время я стоял, не решаясь войти. Потом все-таки взойшел, взялся за ручку внутренней двери; она легко подалась и притворилась. Я снова был внутри Эрмитажа; я увидел, что сумрак, царивший в нем, сгустился с тех пор, как я его покинул. Темнелся вход в зал Египта, и влек меня он заглянуть туда, но, одолев влечение, я повернул в Этрусский зал. Вот иду поспешно, шаги отдаются; углубляются буроватые сумерки, и знакомые неподвижные фигуры зловеще тонут в них.

Вот книжные шкапы и огромная голова на высоком пьедестале; стены печальных обширных зал обступили меня издали со всех сторон; вот угол, где я вчера прятался от ужаса. Впереди у поворота уже глубоко воцарились зловещие сумерки. Внезапно я остановился и застыл: что это? точно чьи-то шаги впереди меня; кто-то идет мне навстречу! – Я не верил своим ушам и жадно вслушался. Это не были отзвуки моих шагов: теперь я стоял неподвижно. Станные звуки были очень невнятные, едва уловимы, но в бездонной тишине мертвого зала они все ж доходили до меня. Это были шаги шаркающие, словно шедший несколько волочил ноги. И сразу же в звучании их поразило меня что-то невыразимое, отчего упало сердце и в голове народились безобразные предположения. Через некоторое время шаги замолкли, шедший остановился. Я не вынес наступившего безмолвия, бросился в сторону, притаился и

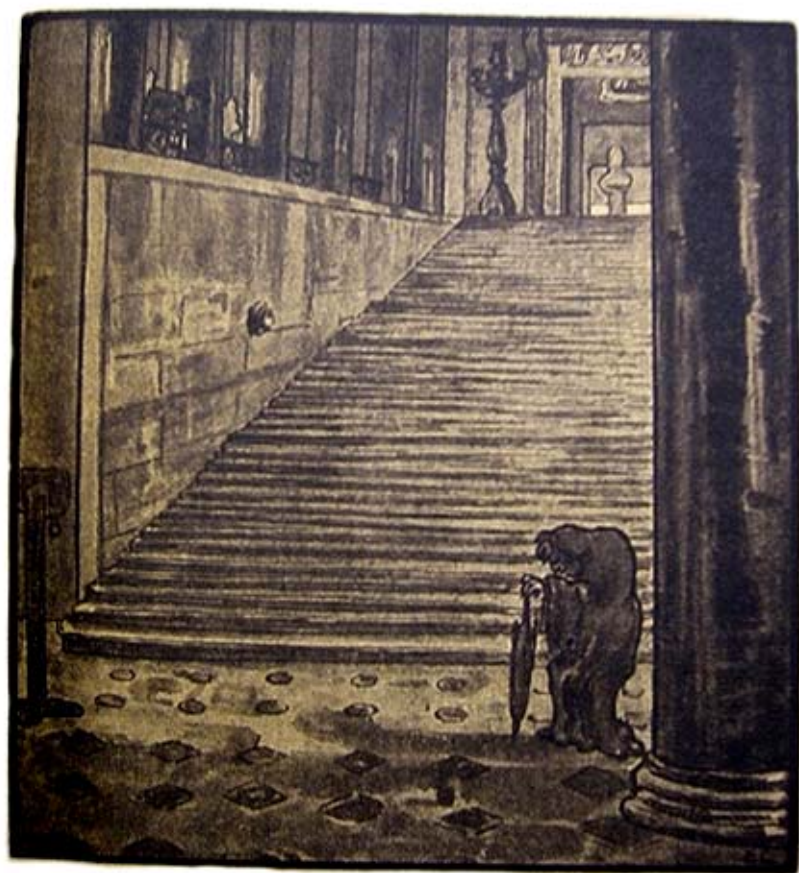
ждал. Потом шаги возобновились; они возникали за темным поворотом впереди; близились, становились все громче и внятнее. Я слушал жадно и вдруг уловил, что поразило меня в них: они не были похожи на шаги живого человека, они были монотонны и мертвенны, словно шел автомат. Застыв, вперил я глаза в сумрак; и вот из него народилось что-то, что-то вынырнуло! странная низенькая фигура с причудливой шляпой на голове! И я узнал ее в одно мгновение: значит, поднялась она с пола, ходит куклообразный двойник, ищет меня! И движения ее словно связаны чем-то, как движения автомата; безобразны и безжизненны. Ближе, ближе; страшная фантоша идет прямо ко мне, уставившись на меня стеклянным взором; ковыляет на ходу и шаркает ногами.

Я дико закричал, пробудив в залах жуткое эхо, и бросился бежать назад. Я несея большими скачками и быстро достиг темного входа в зал Египта; но не посмел проникнуть туда, свернул в сторону и ринулся вверх по мраморной лестнице, шагая через 3-4 ступени. Достигнув конца ее, я наполовину обжегал колоннаду, идущую вокруг колодца лестницы, и остановился, опираясь на массивные перила, над обширным колодезем. Сердце неистово билось и в голове мчались несвязные мысли о таинственных равновесиях, нарушенных вторжением живого в недра стереоскопа; о страшных изменениях в вечной неизменности этого мира; о надвигающихся сумерках, о мертвенной злобе старухи. Значит, могут двигаться потревоженные двойники! Вечно неподвижные минувшие сходят со своих мест, бродят порою, но все ж не обрести им полноты живых движений; из их членов прежняя застылость уходит не до конца, и они становятся лишь страшными автоматами... Я осмотрелся: уж и сюда проникали через широкие окна буроватые сумерки. И перегнувшись через перила, я видел, что внизу прямо подо мною вестибюль уже совсем утонул в густой, почти красноватого оттенка тьме.

И вот я снова услышал шаги; они народились во мраке на дне огромного колодца лестницы и становились все внятнее. Сквозь буроватые тени уже можно было различить

странный темный предмет, поднимавшийся по ступеням вверх. Призрак подымался, несмотря на автоматичность движений, с неестественной быстротой и проворством; скоро он отчетливо выступил из темноты. Потом я увидел, как, не дойдя ступеней десять до верху, он остановился и вдруг повернул голову в мою сторону, и опять глаза наши встретились. Затем, как бы удостоверившись, что я здесь, безмолвный автомат стал снова озабоченно и торопливо подыматься по ступеням; вступил под колоннаду и направился ко мне. Я побежал вдоль перил, стараясь как можно скорее достичь лестницы, но старуха вдруг повернула назад, и мы почти столкнулись у первой ступени. Я быстро отскочил в сторону и со всех ног бросился в верхние залы. Выцветшие ряды знакомых картин мелькали по стенам; гулко звучал мой бег по паркету; печальный зловещий сумрак разливался вокруг, и недвижные фигуры, тонувшие в нем, безмолвно смотрели на мое дикое бегство. А сзади гналась причудливая фантоша, и слышался частый и монотонный стук ее ног. Когда я пробежал по небольшой комнате с тусклыми фресками, лицо мое отразилось на мгновение в призрачном зеркале, бледное, искаженное, окутанное сумраком; и я знал, что чрез полминуты в нем таинственно отразится гнавшийся за мною страшный призрак.

Порою погоня затихала; должно быть, она сбивалась с пути. Раз, воспользовавшись этим, я осторожно стал пробираться по лестнице, чтоб снова попасть в нижние помещения, но входя в одну из зал, я увидел, что фантоша ковыляет мне навстречу из смежной залы, и поспешно повернул назад. Другой раз я сначала долго прислушивался, притаившись, не слышать ли шагов; около минуты было мертвое безмолвие. Тогда бегом на цыпочках направился я к лестнице, но в какой-то маленькой темной комнате столкнулся с нею лицом к лицу. В немом ужасе я схватил ее за плечи, постоял так, не в силах оторвать взора от мертво-злых ее глаз; потом я что было силы оттолкнул ее от себя; она качнулась и с глухим стуком упала навзничь. Быстро добежал я до лестницы, но остановился в нерешительности: сумерки уже так углубились, что обширный ко-



лодец ее сиял предо мною темною бездною; однако выбора не было, и я бросился вниз по ступеням в сумрачную пропасть вестибюля. На последних ступенях я обернулся и посмотрел вверх; вижу: на верхней площадке появился силуэт автомата и спускается вниз! Не думая, что делаю, я бросился вправо и спрятался за вешалку. Все ближе и ближе звучат мертвые шаги по ступеням; что если она заглянет ко мне за вешалку? Но, о радость, вижу: фигура призрака проковыляла мимо меня, как бы не заметив, направилась к залу этрусских ваз и утонула во мгле его.

И вот я мгновенно понял, что могу достичь залы Зевса раньше, чем старуха дойдет до него через длинный ряд покоев нижнего этажа. Чрез зал Египта пролегал более короткий путь. Осторожно я вышел из засады и бросился ко входу в зал, преодолевая свой ужас перед ним. Но вбежав, я приостановился, смущенный тем, что увидел. Здесь все уже потонуло в коричневых сумерках, но среди них я смутно различил какую-то новую фигуру, сидевшую на черном саркофаге в глубине; она была неподвижна и лишь медленно поворачивала голову в мою сторону. То был минувший посетитель; должно быть, и он вслед за старухой стал автоматом, задвигался и взгромоздился на саркофаг. Я вспомнил о двух застывших призраках, которых заметил мельком здесь еще прежде. В темном углу под окнами кто-то копошился и шуршал; то был, вероятно, второй из них. Встревоженные вторжением в их мир, они сошли с мест и вот причудливо и жутко безобразничали в стемневшем зале! Но быстро преодолев смущение, я снова побежал, не оглядываясь. Вот зал Зевса; все залито густым сумраком; статуи, прежде белые, теперь коричневые, зловеще выступают из него. Вот и фотограф; недвижимое лицо его теперь красновато-буро и страшно. Я вплотную встал к аппарату затылком: он ощущает трубки двойного объектива. Пред глазами вход в смежный зал, там глубокие мертвые сумерки, а в отдалении слабый просвет. И вот снова где-то впереди меня нарождаются слабые отзвуки шагов; призрак обошел кругом нижние залы; в просвете уже показался его темный безобразный силуэт и быстро близится. Но, слава

Богу! чувствую, как зал начинает словно удаляться; я уже за чертой его. Свершилось снова волшебное возвращение в жизнь и настоящее. Я снова сижу за столом в моей комнате; лампа горит передо мной, и на горке из книг стоит стереоскоп.

Я откинулся на спинку стула, отведя глаза от линз, и несколько времени сидел так. Сердце все еще глухо и часто стучало, в ногах была страшная усталость, а пальцы еще хранили отвратительное чувство от прикосновения к плечам призрака. Потом я осторожно заглянул в линзы, сперва издали, не подводя к ним глаз вплотную; там виднелся смеркшийся зал, но уж отдаленный, уменьшенный; и я уже был вне его, грань легла по-прежнему между им и мною. Я смелей приблизил глаза к стеклам, и вдруг увидал: там около гробницы в глубине зала, смутно выделяясь в буром сумраке, сидит на полу старуха и смотрит на меня в упор! Я, как безумный, вскочил со стула, оттолкнув от себя горку из книг, и стереоскоп со стуком упал на стол вверх линзами. В голове пронеслась страшная мысль: ведь она может перешагнуть грань и проникнуть сюда в мою комнату! Ведь мог же я из жизни проникнуть в ее минувшие области! И в ужасе своем, не помня, что делаю, я схватил молоток, лежавший на столе, и раз, два! разбил вдребезги обе линзы; их осколки со звоном упали внутрь стереоскопа.

Я долго ходил по комнате, прежде чем немного успокоился. Только тогда я заметил, что я все еще в пальто и кашне, шляпы же на голове не было. Я искал ее на полу, но не нашел: верно, я как-нибудь незаметно потерял ее в призрачных залах во время своего бегства. Потом я взял стереоскоп, и после долгих стараний мне удалось разломать его заднюю стенку и вынуть снимок, вставленный в нее. С замиранием сердца я поднес его к лампе: на нем было глубоко побуревшее изображение знакомого зала; такими бывают сильно поврежденные на свету фотографии; и зала на снимке казалась затонувшей в красновато-коричневых сумерках. Но на изображении уже не было фигуры, сидящей на полу, и нигде на всем снимке я не мог отыскать никаких следов старухи: должно быть, она успела ус-

кользнуть из поля зрения. Казалось, побурение снимка остановилось; странные сумерки в том мире не углублялись дальше; и я подумал, что, быть может, снова застыли и двойники, сошедшие со своих мест. Я со всех сторон осмотрел стеклянную пластинку; это был обыкновенный снимок для стереоскопа, двойное изображение зала, вершка 4 длиною; на правой половине его сверху еще можно было разоб-
рать надпись от руки: «21 Апреля 1877 г.».

Так уничтожил я стереоскоп. Как и когда попал он в аук-
ционный склад на Г-ой? Кто создал его? Кто открыл путь в
выцветшие страны прошлого? Был ли это тот высокий фо-
тограф, чей двойник вечно стоит в призрачной зале? Или
кто-нибудь другой? И если это был он, что ощутил он, ког-
да впервые переступил грань того мира и, обернувшись,
увидал своего двойника в глубокой тишине умершего зала?
Как, проникнув в те печальные страны, сумел он не потре-
вожить покоя тихих призраков, не пробудив затаенного
ужаса, не накликав зловещих сумерек? Быть может, ему не
суждено было уже вернуться назад в жизнь и настоящее и
какие-нибудь тайные причины навсегда похоронили его в
недрах стереоскопа; его мог настичь разрыв сердца на ули-
цах мертвого города, он мог упасть с лестницы или утонуть
в водах минувшей реки или канала. Или (кто знает?) твор-
цу стереоскопа не удалось самому переступить грани линз,
и изо всех живых я первый и последний посетил недра ми-
нувшего.

Теперь уже много времени с той ночи. Когда мне по-
падает под руку какой-нибудь стереоскоп, я беру его, гля-
жу в него, и старое волшебство по-прежнему веет в душу.
Но знаю я, что это лишь предчувствие странного упоения,
но полноты этого упоения уж мне больше не пережить; ведь
я, некогда проникавший туда, могу теперь туда лишь загля-
дывать. Чрез круглые стекла вижу я сосновый лес с узкой до-

рожкой, уходящей вглубь, на ней мертвенно блестят лужи от недавнего дождя, и мне чудится, что я уже там внутри, хожу по сырой дорожке, углубляюсь в лес мертвых выцветших сосен; смотрю, как отражаются они в недвижных, как зеркало, лужицах; пробираюсь к призрачной прогалине, что мерещится вдали меж стволами, и среди великого безмолвия минувшего леса слышится лишь слабое хрустение веток под ногами, водяные капли брызжут с коричневых листьев кустов и вокруг разлит легкий запах сосен после дождя. Но то – воображение: непереступаемой гранью я отделен от этой страны. Или чрез линзы вижу какой-то пустынный морской берег, и мне чудится, что я уже там прогуливаюсь по влажному слабо хрустящему песку, и безлюдные излучины странного побережья тянутся в обе стороны, и прямо предо мной пустынно расстилается минувшее море с белеющими, навек застывшими гребнями всюду, куда хватает глаз; и все бесцветно и печально; я стою и слушаю мертвое безмолвие моря и берегов и обоняю соленую свежесть и слабый запах ила. Но все это лишь чудится, и чрез мгновение вспоминаю я, что лишь смотрю в стереоскоп и отделен заповедной гранью от моря прошедшего.

Но больше уж нет того старого прибора, что один воистину растворял двери в прошлое; лишь остов его стоит на моем столе; осколки линз сложены в коробку и убраны. Иногда я достаю этот вынутый из стереоскопа двойной снимок, с потемневшим «передержанным» изображением зала. Снова рассматриваю его; стены, пол, статуи и в глубине уходящую анфиладу покоев можно довольно ясно рассмотреть сквозь густые коричневые сумерки; и сумерки эти не углубились с тех пор. Ничего не изменилось в снимке, только странный мир, затаенный в нем, с каждым днем уплывает все дальше в прошлое. Там таятся эрмитажные залы, утонувшие в зловещей мгле, и в них обитают тихий фотограф, и молчаливые посетители, и вновь застывшая страшная фантоша, и вновь застывшие страшные двое в Египетском зале; там в мрачном покое стоит витрина с разбитым стеклом, обокраденная мною, и где-то на полу в темноте валяется моя шляпа. Там таится огромный умерший город,

зловеще смеркшийся, и старый знакомый дом и комнаты, где обитают тихие близкие мне двойники. Они сидят там, погруженные в сумрак, и с каждым днем все дальше и дальше уплывают в прошедшее. Туда мне уже никогда не проникнуть; навеки завален таинственный вход.

Здесь, в нашем мире, я часто брожу по залам живого Эрмитажа. И блуждая, стараюсь я сквозь красочное настоящее разглядеть призрачные прошлые залы. Там был я недавно в темный зимний день, в один из тех дней, когда даже в верхних залах царит мутный полусумрак. Печальный тусклый свет с бесцветного неба вливался в окна. В нем живые краски вокруг, казалось, тускнели и блекли, и оттого отчетливее проступало выцветшее минувшее; особенно отчетливо проступало оно в тех покоях, где я случайно оставался один и не было никого другого. Порою чудилось мне, что вот стены, пол, картины, украшения на потолке обесцветятся до конца, и все умрет и застынет, и я снова буду отражаться в призрачном зеркале одинокий, живой идвигающийся среди мертвенного минувшего. Становилось жутко, когда, взглянув на поворот стены, группу статуй в тени или отблеск света на полу, вспомнил я отчетливо, что было со мною в этом месте во время моего бегства во мгле невозвратных зал и лестницы. И еще явнее проступало прошлое в нижних покоях в полусумраке, что проливал зимний день в угрюмые и редкие окна. Там, где сходятся вместе три обширные залы у книжных шкапов, с волнением я узнавал место, с которого впервые услышал страшные шаги, и угол, где прятался от ужаса в первую ночь. Я долго медлил в зале Египта; там полный странных дум стоял я в мрачном углублении у стены, где увидел я в первый раз сторожившую старуху. Потом подошел к витрине со скарабеями и глядел на лежащие под цельным нетронутым стеклом древние амулеты. И вот, вынув из кармана вещь, принесенную о т т у д а, я сравнивал ее глазами, как не раз уже раньше, со скарабеями из зеленого камня в витрине. И снова убеждался я, что они схожи, как двойники; одинаков размер, одинакова форма, одинаковый кусок отбит внизу правого крыла; но мой скарабей темно-коричневый. И

снова, как не раз и прежде, стоял я над ними в глубоком изумлении.

И все чаще я задумываюсь о том, кто же была та причудливая старуха, бродившая как-то тридцать лет назад по нижним залам; на что глядела она из своего угла, когда наступало мгновение, запечатленное на старом снимке. И я говорю себе: может быть ей полюбился мальчик, встреченный ею в тенистой зале и скоро уведенный прочь отцом; и, не найдя их и возвратясь в ту же залу, она глядела загадочно, пристально на черную витрину, у которой он недавно стоял. Потом призрачная фантоша в недрах стереоскопа стала стеречь мертвенным взором витрину со скарабеями: ведь у этой витрины увидала она когда-то полюбившийся ей детский облик; и этим взором, затаившим в себе ее выцветшую думу о мальчике, она охраняла в далеком доме вечный покой моего двойника; ревниво боясь, чтобы не похитили его из ее печальных областей; оберегая его тайну и с нею все иные тайны прошлого... Я не знаю и страшусь знать, кем была она в нашем, живом мире, когда в туманном детстве я встретился с ней; но из владений ее двойника не уйти призраку мальчика, что сидит теперь во мраке невозвратной комнаты. Так размышляю я, а остов стереоскопа стоит на столе, освещенный лампою; и предо мною лежит темный скарабей, тайна тех грустных стран и моего отроческого двойника, похищенная у старухи.

Комментарии

Александр Павлович Иванов родился в Петербурге 11 (23) октября 1876 г. Его отец, Павел Александрович (незаконный сын писателя А. К. Жуковского), личный дворянин, был членом Совета Волжского Камского банка; мать, Мария Петровна (урожденная Угрюмова), происходила из купеческого рода старообрядческого «федосеевского» согласия. «Религиозная атмосфера патриархальной, на редкость дружной и сплоченной семьи Ивановых, налаженный обиход их уютной квартиры, с почти уже архаическим для того времени керосиновым освещением, со старинными иконами, киотами и лампадками по углам, поддерживались, прежде всего, ее заботами и ее влиянием» – отмечает Д. Е. Максимов.

Семья Ивановых была близко знакома с А. А. Блоком; поэт тесно дружил с младшим братом А. П. Иванова, Евгением (1879–1942), самодельным религиозным философом, мистиком, участником символистских изданий и детским писателем. Их сестре Марии посвящено стихотворение Блока «На железной дороге». «А. П. Иванов, действительно, человек совершенно исключительный, как и вся семья Ивановых. Оттого только, что живут на свете такие люди, жить легче; в них – опора», писал Блок В. Н. Княжнину.

В 1895 г. А. Иванов окончил Первую петербургскую гимназию, а в 1900 – математическое отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Служил помощником столоначальника в департаменте железнодорожных дел Министерства финансов.

Уже в юности Иванов обнаружил тягу к изящным искусствам и был в семье, по свидетельству Е. Иванова, «руководителем... новых вкусов в музыке искусств». В 1904 г. Иванов опубликовал статью «Логэ и Зигфрид» об операх Р. Вагнера («Мир искусства», № 6), где трактовал искусство как «подвиг освобождения уникальной или заколдованной красоты». Семь лет спустя вышла его выдержавшая три издания (СПб., 1911; К., 1913; П., 1916) монография «М. А. Врубель. Опыт биографии», над которой Иванов работал в сотрудничестве с женой и сестрой художника.

Иванов был также другом, большим поклонником и корреспондентом Н. К. Рериха и в 1910-х гг. по предложению И. Э. Грабаря

приступил к работе над монографией о художнике. Книга о Рерихе планировалась к выходу в московском издательстве И. Кнебеля, но рукопись то ли была утрачена во время немецких погромов в Москве, то ли сгорела в годы революции.



После Октябрьской революции Иванов некоторое время продолжал работать в Министерстве финансов (Наркомфине). В 1920 г. поступил на работу в Русский музей — помощником хранителя отдела нового искусства, В 1927 г. стал хранителем отдела, с 1930 — научным сотрудником 1-го разряда. Был доцентом Ленинградского университета и Высшего художественно-технического института. В эти годы вышли его книги «И. Е. Репин» (1925), «Н. Рерих» (1926), «М. А. Врубель» (1928).

В 1931 г. Иванов покинул Русский музей по состоянию здоровья. Умер он в Ленинграде в 1940 году (по некоторым данным — в 1933). В 1993 г. по авторским черновикам был опубликован рассказ «Городище», навеянный статьей Н. Рериха «На кургане»: герой рассказа видит сцены из своей прошлой жизни во времена древних русичей и затем находит подтверждение своим видениям в реальности.

Единственным опубликованным при жизни художественным произведением Иванова, таким образом, осталась небольшая повесть «Стереоскоп», написанная в 1905 г. и вышедшая отдельным изданием в 1909 г. с обозначением «Сумеречный рассказ» (пожалуй, больше всего здесь подошел бы подзаголовок, которым снабжал свои книги А. В. Чаянов — «романтическая повесть»).

«Стереоскоп» был высоко оценен современниками. Иванов, отмечал В. Брюсов, «использовал тот же метод, к-рый позволяет математикам определять элементы и свойства фигур и тел в различных не-эвклидовских пространствах... Написан рассказ г. Иванова очень хорошо, у автора есть свой слог, сдержанный, простой, но выработанный. Нам кажется, что у г. Иванова есть все данные, чтобы стать хорошим и интересным писателем» («Весы», 1909, № 6). «В последней книжке “Весов” Вал. Брюсов очень хорошо, по-моему, похвалил “Стереоскоп”. Сообщи об этом Александру Павловичу» – сообщал Блок Е. Иванову (письмо от 9 авг. 1909). Менее чем через месяц, в письме к нему же от 3 сентября 1909 г., Блок снова вспомнил о «Стереоскопе»: «Хочу тебе сказать, что все больше ценю “Стереоскоп” (хотя и не перечитывал его). Еще больше понял его через рецензию Брюсова и через чтение Уэльса. Очень много думаю об этом. Думаю, что это, вместе с Брюсовской прозой, принадлежит к первым в русской литературе “научным” опытам искусства, и глубоко приветствую это. Среди старых писателей намеки на эти методы и на этот язык был только у Пушкина. После него наша литература как бы перестала быть искусством, и все, что мы любили и любим (кончая Толстым и Достоевским), – гениальная путаница. Этого больше не будет и не должно быть (говорю преимущественно о “разлитом море” бесконечной “психологии”)). Хвалебную рецензию, оставшуюся в свое время неопубликованной, написал для журнала «Аполлон» М. Волошин. «Стереоскоп», по мнению поэта и критика, «несомненно, производит сильное впечатление ужаса. Но странно: этот ужас затаен не столько в событиях его, сколько в мастерских описаниях, дающих полную иллюзию фотографического мира. Эта повесть – безусловно новая и замечательная страница в области петербургской фантастики, начинающейся с “Пиковой дамы” и “Медного всадника”». В отзывах на второе издание повести (1918) рецензенты вспоминали о Л. Тике, Э. Т. А. Гофмане и А. Белом, а проницательно указание Блока выявляет зависимость Иванова от Г. Уэллса (в этом смысле уместно привести не только «Машину времени», но и рассказ «Хрустальное яйцо», известный русскому читателю по крайней мере с 1903 г.). Не исключено, что «Стереоскоп», в свою очередь, повлиял на фантастический рассказ В. Набокова «Посещение музея» (1938).

Похвалы современников не назовешь преувеличенными – «Стереоскоп» и впрямь является жемчужиной русской неоготики; удалось Иванову и вписать оригинальную страницу в «пе-

тербургский текст» русской литературы (создатель концепции «петербургского текста», виднейший литературовед и ученый В. Н. Топоров, считал повесть Иванова одним из «лучших образцов петербургской гофманианы»). Отчего же Иванов не стал, как предполагал Брюсов, «хорошим и интересным писателем», а все его художественное наследие исчерпывается двумя текстами 1905-1906 гг.?

Ответ, вероятно, лежит в личностной плоскости – Иванова, насколько можно судить, интересовала не литература как таковая, но отображение сновидческих и визионерских впечатлений; при этом выбирал он наиболее архетипические из них (сновидец как единственный живой в мертвом и пустом городе, пустынный музей, видения прошлой жизни, встреча с собственным двойником и т.п.). Видениям и снам в семействе Ивановых придавалось особое значение: мистический дневник Е. Иванова, указывает О. Фетисенко, «переполняют записи его снов (а с 1913 г. еще и снов его будущей жены, А. Ф. Горбовой, которая была весьма экзальтирована в своей пламенной религиозности)», в том числе снов эсхатологического характера.

Более чем вероятно, что обсуждали братья и важнейшую для Евгения Иванова тему «автомата», на которой мы подробнее остановимся ниже; не чем иным, как «автоматом», предстает в «Стереоскопе» страшная старуха-«фантоша».

Отдельного рассмотрения достойны египетские мотивы повести: египетский зал Эрмитажа олицетворяет и смертную неподвижность и тлен, и надежду на воскресение, воплощенную в фигурке скарабея (заметим, что Е. Иванов был почитателем развивавшего египетскую тематику В. В. Розанова).

С 1980-х гг. повесть Иванова неоднократно переиздавалась; к сожалению, часто игнорировались сопровождавшие повесть иллюстрации жены автора, художницы Евгении Алексеевны Смирновой-Ивановой (1875-1970), ученицы Н.Рериха. Поскольку в «Стереоскопе» визуальный и текстовый ряды составляют нерасторжимое единство, этот недостаток исправлен в данном издании.

Литература

Блок А. А. Письма 1898-1921 // Собр. соч. в восьми томах. М.-Л., 1960-1963. Т. 8.

Брюсов В. А. Иванов. Стереоскоп. Сумеречный рассказ. Рисунки Е. Смирновой-Ивановой. СПб. 1909. Ц. 90 к. // Весы: Ежемесячник искусств и литературы. 1909. № 6. Июнь.

Волошин М. «Стереоскоп» Александра Иванова // Дисплей фантастики. Рига, 1990.

Воспоминания и записи Евгения Иванова об Александре Блоке / Публ. Э. П. Гомберг и Д. Е. Максимова. Подгот. текста Э. П. Гомберг, комм. Э. П. Гомберг и А. М. Бихтера. Вступ. статья (Александр Блок и Евгений Иванов) Д. Е. Максимова // Блоковский сборник (1): Труды науч. конф., посвящ. изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 г. Тарту, 1964.

Де Гете В. Александр Павлович Иванов // Лаборатория фантастики (<http://fantlab.ru/autor4853>).

Ильюнина Л. А. Иванов Александр Павлович // Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь. Т. 2. М., 1992.

Купченко В. П. Еще один Александр Иванов. Прил.: Александр Павлович Иванов. Городище (рассказ). Предисл. и публ. Л. А. Ильюниной и Е. Р. Обатниной // Лица: Биографический альманах. Кн. 3. М.-Париж, 1993.

Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995.

Фетисенко О. Из дневника «петербургского мистика» (Евгений Иванов и его эсхатологические воззрения) // Эсхатологический сборник. СПб., 2006.

С. 7. ...*стереоскоп* – Оптическое устройство для просмотра стереопар или стереографий (т.е. фотографий, изображающих одну и ту же сцену, снятую с двух точек, находящихся на некотором расстоянии друг от друга), создающее эффект «объемного» изображе-

ния. Стереоскоп был изобретен сэром Ч. Уитстоном в 1838 г.; линзовый стереоскоп, подобный описанному в повести, был изобретен сэром Д. Брюстером в 1849 г. и быстро завоевал громадную популярность.

С. 8-10. *...небольшой ящик из полированного дерева с двумя возвышениями в виде четырехгранных призм* – Описан стереоскоп старинной к тому времени конструкции (типа Брюстера-Дюбоска). Более распространен был стереоскоп, разработанный в 1861 г. американских врачом и литератором О. У. Холмсом; он состоял из пары линз с защитным щитком, ручки и деревянной подставки, на которой располагались стереографии.

С. 10. *...Ибсмамбульских Колоссов* – Имеются в виду гигантские статуи Рамзеса II (ок. 1303-1213 д. н.э.) у входа в знаменитые скальные храмы Абу-Симбела (уст. название – Ибсмамбуль) в Египте.

С. 11. *...статуя Мемнона* – Речь идет о т. наз. «колоссах Мемнона», огромных скульптурных изображениях фараона Аменхотепа III (ок. XIV в. д. н. э.) в некрополе египетского г. Фивы.

С. 12. *...зал Зевса Олимпийца* – Иначе зал Зевса Никифора (Зевса Победоносца, в наст. время зал Юпитера), в нач. XX в. третий по порядку зал нижнего этажа Эрмитажа с древнегреческими и древнеримскими скульптурами и большой статуей Зевса, найденной в XVIII в. близ Рима при раскопках загородного дворца императора Домициана; эта статуя считается римской копией с работы древнегреческого скульптора V в. до н. э. Фидия.

С. 13. *...я стоял внутри призрачного зала* – С XIX в. музей становится устойчивым локусом в «сверхъестественной» и фантастической литературе, а позднее и в кинематографе, связываясь с памятью, прошлым, воскресшими обитателями далеких эпох, оживающими статуями и мумиями, потусторонними существами, путешествиями во времени и т.п.

С. 14. *...Стереоскопическая камера* – Двухлинзовая камера с расстоянием в 2.5 дюйма между линзами (обычное расстояние между глазами человека), делающая два снимка одновременно.

С. 17. ...зале Босфора – В нач. XX в. седьмой по порядку зал нижнего этажа Эрмитажа, именовавшийся «залой древностей Босфора Киммерийского» или «Керченской залой», с собранием античных древностей, найденных на юге России, преимущественно на берегах Керченского пролива.

С. 19. ...Египетский зал – В нач. XX в. первый зал нижнего этажа Эрмитажа (Зала египетских и ассирийских древностей); создан после передачи Эрмитажу в 1862 г. коллекции бывшего Египетского музея при Кунсткамере (ныне зал 109). Описание зала по состоянию на 1904 г. см. в кн.: Иванов Д. Д. Объяснительный путеводитель по художественным собраниям Петербурга: (Эрмитаж, Академия художеств, Музей императора Александра III и другие художественные музеи). СПб., 1904. С. 15-18; см. также Bolshakov A. O. Studies on Old Kingdom Reliefs and Sculpture in the Hermitage. Wiesbaden, 2005. С. 1-2.

С. 21. ...Сехт со львиной головой – Правильно Сехмет (Сахмис, Сехет), древнеегипетская солнечная богиня войны и врачевания. Находящуюся в Эрмитаже статую XIV в. до н.э. привез в Россию из Египта в первой половине XIX в. известный путешественник и государственный деятель А. С. Норов. В 1908 г. этому изваянию посвятил одно из лучших своих стихотворений Д. Бурлюк:

Богиня Сехт жар пламени и битвы
Пыл гнева с головою льва
В тебе гранитные молитвы
В тебе гранитные слова

Как здесь прекрасно женское начало
Но этот лев, — но этот хищный лев
Вселенной всей тебе объятий мало
Живущая гроба преодолев

Из сна веков дошла неотразимо
Ты вечное и прежде и теперь
Телесна страсть тебе прямое имя
К реальной вечности приятственная дверь.

С. 21. ...я надавливал пальцами на стекло; вдруг неожиданно оно странно хрустнуло и кусок его упал внутрь витрины – Ср. следующий анализ мотивов мертвенности и разрушения:

«...когда герой непосредственно оказывается в залах “бывшего”, “минувшего” Эрмитажа, этот первоначальный намек на “царство теней” становится более определенным, и очевидно уже не только сходство с античным царством Плутона, но и с Адом Данте, мрачным и тщательно структурированным, где каждому грешнику находится свое место, как и в “Стереоскопе”, где каждый персонаж застыл в своей мучительной позе в том или ином зале, а движение происходит по кругу – именно по кругу, огибая античные залы и картинную галерею второго этажа, герой убеждает от преследующей его “фантоши” – ожившего фантома, призрака старухи, имеющей несомненные черты адской фурии. Как и в аду, путешествующий герой жив, остальные мертвы, за исключением старухи-фантоши, которая двигается как какой-то призрак-автомат, не жива и не мертва, но является в определенной степени проводником героя по “минувшему” миру, т.к. ее преследование заставляет его двигаться по музею. <...> Эпитеты, использованные для описания Эрмитажа и его коллекций, многократно повторяются в тексте. Это “мертвенный”, “минувший”, “бывший”, “мертвый”, “застывший”, “прошлый”, “неизменный”, “выцветший”, “вечный”. В контексте последовательного описания музея в “Стереоскопе” ряд эпитетов, указывающих на “мертвое”, семантически равнозначен ряду эпитетов, отсылающих к “прошлому”. “Мертвое” и “прошлое” в контексте музея – практически синонимы. В этом есть несомненная близость риторике модернизма. Следующий ряд эпитетов – “ненужный”, “старомодный”, “старый”, “брошенный”, “забытый” – появляется вначале в описании Аукционного Склада, где герой приобрел стереоскоп. Описание склада в миниатюре предваряет описание Эрмитажа, и логическая цепочка формируется следующим образом: прошлый – мертвый – ненужный. Неудивительно, что подобная логическая цепочка завершается в интенции разрушения. Герой вначале, во время первого посещения, разбивает витрину с египетскими скарабеями, а потом, испугавшись взгляда призрачной старухи на снимке, разбивает и волшебный стереоскоп, чтобы избавиться от искушения прошлого и риска затеряться в залах мертвого Эрмитажа» (Бирюкова М. В. Модернистская метафора «город-гроб» в контексте символики города-музея // Вопросы музеологии. 2012. № 2 (6). С. 20-21). Анализ этот достаточно упрощен, но верно отображает ряд свойств внешнего слоя текста.

С. 22. ...свершил таинственное святотатство, ограбив витрину с темными двойниками скарабеев... охраняет стеклянным взором темные амулеты – Скарабей в Древнем Египте – символ солнечной силы и воскресения; орфеево святотатство героя состоит в попытке вынести живое из царства старухи-Смерти.

С. 30. ...впервые в душу ему веяла величавая таинственность Древнего Египта – О египтомании эпохи, в частности в кругу символистов, см. Л. Панова. «Русский Египет: Александрийская поэтика Михаила Кузмина» (М., 2006); заметим, однако, что автор совершенно обходит вниманием важнейшую для «египетского текста» символизма повесть Иванова.

С. 34. ...старая арабская сказка о Медном Городе – Т. наз. «Повесть о Медном Городе» из «Тысячи и одной ночи» (ночи 566-568).

С. 44. ...куклообразный двойник... движения автомата – «Автоматизм» призрачной старухи, видимо, был навеян автору рассуждениями Е. Иванова о ключевой для последнего теме «автоматизма». В 1906-1908 гг. Е. Иванов работал над этюдом «Зеркало и автомат», в одном из вариантов которого провозглашал: «Последний же автомат будет Антихрист». Запись сна, приснившегося Е. Иванову в ночь на 1 мая 1906 г., текстуально и образно совпадает со «Стереоскопом»: «На сегодня ночью был странный полусон. Приснился ад. <...> по полукругу комнаты на диванах недвижно сидят настоящи<е> автоматы, те же гости, но явно автоматы со стеклянными глазами, упершимися на круг. Все это дамы в черных платьях. <...> И вдруг все вскружилось. Откуда-то из окна вылетел игрушечный детский поезд бесконечно длинный, жестяной, гремучий. Да, въехал с шумом жестяным, знакомым с детства, на середину комнаты и стал кружиться; потом еще другой, третий, наконец целая масса гремучая кружиться стала, ве<р>тет<ь>ся и кружить с жестяным грохотом. И ничего с этим верчением и грохотом не поделаешь. Ад глушит их вечным грохотом. Это и есть ад. И я во власти его. Во власти кружения. И вспомнил: круг в цирке. И на нем велосипедисты кружились, и под ними механизмом тогда вертелся круг, и они, чтоб не разбиться, скорее и скорее должны вертеть ногами колеса велосипеда, чтоб стоять недвижно, попевая за вертящимся под ними кругом. Иначе вдребезги. И если б механизм все действовал бы, не слушаясь никого, и круг бы все вертелся, то вот

“ад-то”, ужас какой! Тут круговая бесконечность ужасна, что вот кружится, кружится, вертится без конца, как колесо. Ад и есть мука бесконечная! в кругах кружения ада. Ужас тут в том, что чувствуешь, как делается с тобою от эт<ого> вертящегося и кружащего, грохочущего вечным грохотом посреди комнаты поезда – столбняк, и догадываешься, что сидящие на диванах черные дамы-гости были когда-то живы, но, слыша шум этого вечного кружения, впадали в столбняк и превращались в том, чем ты их видел, в автомат-кукол; что сейчас и я в столбняк превращусь, и буду, как они, в полутьме на диванах сидеть не шевелясь как куклы, не в силах двинуться и только видя, как вечно все кругом вертится на круте огромном, как цирковая арена; и не в силах остановить, ни кружения, ни адской музыки, ни глушащего жестяного грохот<а>». Мыслями об «автоматах», с которыми связывались всевозможные пороки современной цивилизации (суэта, «кружение», самовлюбленность, внутренняя опустошенность и неспособность к истинной любви) Е. Иванов щедро делился с окружающими по крайней мере с начала 1905 г., года написания «Стереоскопа». Приведем характерный отрывок из «Записей об Александре Блоке» – позднейших извлечений из дневника – со значимым в контексте повести упоминанием Г. Уэллса:

«26 февраля <1905>. Трагедия библейского царя Саула, лишенного Духа, трагедия поэта, писателя, лишенного своего дара, потому что так надобно, и трагедия Демона – все одно.

Здесь рядом и пустота, «пустосвятости», «пустышки». Пустышка-невидимка (Уэллса) – ходит по городу в «человечьем платье». Звонится в квартиры. Отворят, о ужас! стоит сюртук, брюки, в пальто, в шляпе, все одето, а на кого – не видно, на пустышку! Лицо шарфом закрыл как маской.

Опять звонок. «Опять пустышка пришел!» в манжетах и перчатках, как реклама белья монополь. Манекен, маска, тот же автомат. Мертвец – кукла, притворяющаяся живым, чтоб обмануть пустой смертью. «Вот злонравия достойные плоды!»

У Блоков об пустышке говорил. Саше – Ал. Блоку очень это знакомо. Он даже на стуле изобразил, согнувшись вбок, как пустышка за столом сидя вдруг скривится набок, свесив руки».

Оглавление

Стереоскоп	7
Комментарии	54

POLARIS



ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.